

Цескорка

Смелыми не рождаются!

(Фотоснимки к очерку на странице 10-й)

Вот и весь экипаж парусного судна: Рома Румянцев и его закадычный друг Миша Хоробрых.

Корабль после удачного плавания подходит к причалу (верхний снимок).

В центре — Рома и Миша строят новый причал.

Фото
Г. Сафонова

А на нижнем снимке вы видите технический совет под председательством Ромы Румянцева. Ребята обсуждают достоинства и недостатки каждой модели. На этот раз разговор затянулся.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Виктор Круглов

Богатый август

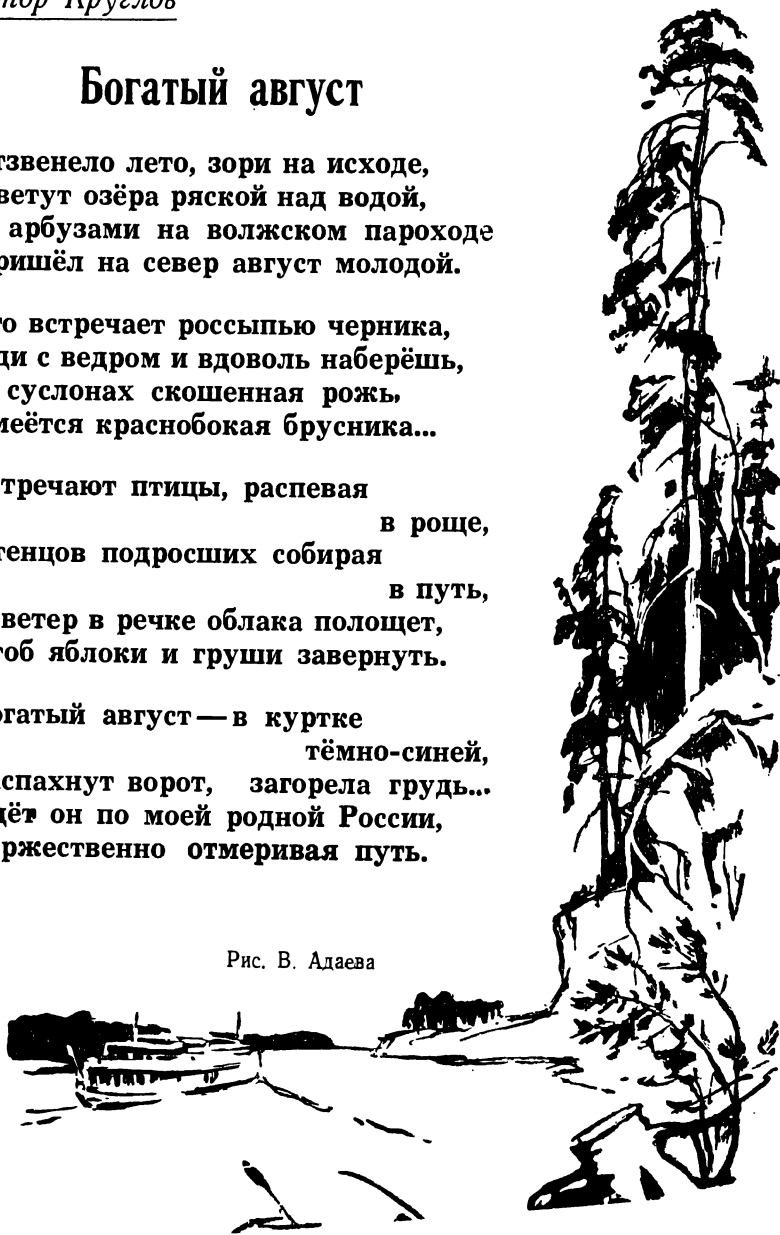
Отзвенело лето, зори на исходе,
Цветут озёра ряской над водой,
С арбузами на волжском пароходе
Пришёл на север август молодой.

Его встречает россыпью черника,
Иди с ведром и вдоволь наберёшь,
В суслонах скошенная рожь,
Смеётся краснобокая брусника...

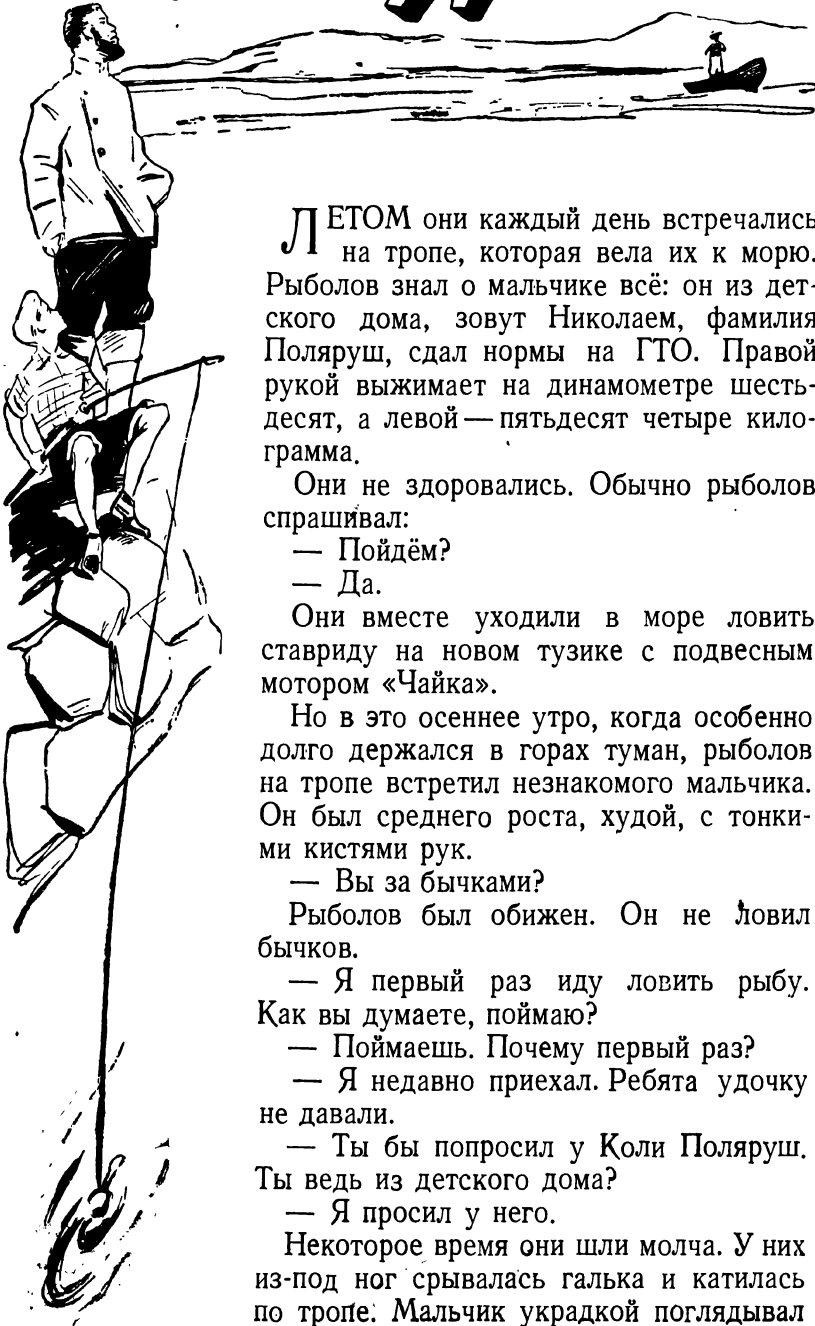
Встречают птицы, распевая
в роще,
Птенцов подросших собирая
в путь,
А ветер в речке облака полощет,
Чтоб яблоки и груши завернуть.

Богатый август — в куртке
тёмно-синей,
Распахнут ворот, загорела грудь...
Идёт он по моей родной России,
Торжественно отмеривая путь.

Рис. В. Адаева

„Так держать“

Л ЕТОМ они каждый день встречались на тропе, которая вела их к морю. Рыболов знал о мальчике всё: он из детского дома, зовут Николаем, фамилия Поляруш, сдал нормы на ГТО. Правой рукой выжимает на динамометре шестьдесят, а левой — пятьдесят четыре килограмма.

Они не здоровались. Обычно рыболов спрашивал:

— Пойдём?

— Да.

Они вместе уходили в море ловить ставриду на новом тузике с подвесным мотором «Чайка».

Но в это осеннее утро, когда особенно долго держался в горах туман, рыболов на тропе встретил незнакомого мальчика. Он был среднего роста, худой, с тонкими кистями рук.

— Вы за бычками?

Рыболов был обижен. Он не ловил бычков.

— Я первый раз иду ловить рыбу. Как вы думаете, поймаю?

— Поймаешь. Почему первый раз?

— Я недавно приехал. Ребята удочку не давали.

— Ты бы попросил у Коли Поляруш. Ты ведь из детского дома?

— Я просил у него.

Некоторое время они шли молча. У них из-под ног срывалась галька и катилась по тропе. Мальчик украдкой поглядывал

на рыболова. Он заметил, что у мужчины обгоревшее лицо, обтянутое шрамами, окладистая рыжая борода. На старом кителе с голубым кантом тёмные кружки от орденов. Особенно долго он разглядывал его руку. На правой недоставало пальцев, а левая — была сильно искалечена.

Мальчику захотелось помочь рыболову, но он постеснялся попросить у него большую брезентовую сумку и удилище с тяжёлой катушкой.

Так они молча дошли до моря. Мальчик пошёл на волнолом, а рыболов направился к своей лодке.

С моря подул прохладный ветер. Паренёк знал, что как только выйдет из-за гор солнце, сразу станет значительно теплее. Так бывало здесь всегда.

Вдруг хлыстик удилища задёргался. Мальчик резко взмахнул рукой. Он почувствовал, как маленькая рыбка забилась на крючке. Он ещё немного потянул к себе удилище. Удары становились всё сильнее и сильнее. «Ага, попалась!» — он чуть не задохнулся от радости, но

продолжал терпеливо выжидать.

А в это время рыболов вынес из дощатого сарая свой мотор. В воздухе запахло бензином. Он сразу отбил сладковатый запах опавших листьев и солёной воды.

Рыболов укрепил мотор на корме лодки и на всякий случай привязал его верёвкой к кольцу на корме, положил удилище, сумку. Потом сходил к маленькому родничку и набрал бутылку воды. Теперь можно было уходить в море, но мужчина не торопился. Он всё продолжал ждать Николая. Но на тропе никого не было.

Больше он решил не ждать и плечом столкнул лодку в море. Волна быстро подняла её на гребень и потащила за собой от берега.

Рыболову пора было садиться за вёсла. Здесь он особенно почувствовал своё увечье: если левой рукой он кое-как мог держать ручку весла, то правая была ему не помощница. Но он нашёл выход. Натянул правый рукав кителя на ручку весла.

Два взмаха, и лодка медленно отошла от берега.

Рыболов шагнул к корме, нетерпеливо дёрнул за шнурок. Но мотор даже не чихнул. Он снова надел шнурок и снова дёрнул. Скоро он потерял счёт попыткам завести мотор. Это было особенно обидно теперь, когда, как он видел, все лодки с рыбаками стояли недалеко от берега.

Мужчина принялся внимательно осматривать мотор. Прежде всего он вывернул свечу. Хотя он давно уже всё привык делать левой рукой, но со свечой ему пришлось порядком помучиться, прежде чем он её вывернул. Фарфор был расколот. Косая трещина потемнела от копоти. Рыболов вытер мокрый лоб и начал грести к берегу.

Он уже не видел ни гор, ни тропы. Когда волна зашуршала галькой, он понял, что подошёл к берегу.

— Здравствуй, Василий Константинович! — громко крикнул Николай и подбежал к лодке.

— Здравствуй. А у меня несчастье: свеча лопнула. Ты почему опоздал? — Рыболов внимательно посмотрел в глаза мальчика. Он ждал, что мальчик предложит ему пойти в море на вёслах. Но этого не случилось.

— Мы идём сегодня в музей. Я не могу пойти ловить рыбу.

— Ну, смотри!

Мужчина сел на большой камень и стал неотрывно смотреть в море. Он не видел ничего, кроме лодок с рыбаками. Ему было горько признаться, но он не верил Николаю Поляруш.

Так не мог поступить настоящий друг. Будь у него сейчас запасная свеча, он бы ушёл в море. Первый раз после ранения он с горечью почувствовал свою беспомощность. Потом он вдруг вспомнил о другом мальчишке, с которым шёл вместе к морю. Но после случая с Николаем все мальчишки показались ему обманщиками. Но тут же ему стало совестно: как он мог так подумать!

Всё ещё не отдавая себе отчёта в том, что он задумал, он быстро направился к волнолому.

Мальчик слышал за своей спиной тяжёлые шаги. Он так был увлечён ловлей, что ни разу не посмотрел в сторону лодки. Устроившись поудобнее на камне, он подёргал нитку кукана, где бились три бычка. Пускай новый рыболов садится где ему угодно, но своего места не уступит. И вдруг, обернувшись, он увидел знакомого мужчину. От удивления у него высоко взлетели брови.

Хлыстик удилица сильно задёргался.

— Тащи! — нетерпеливо крикнул рыболов.

— Ещё мало!

— Ну какой же ты! А я не пошёл в море. Свеча лопнула, а запасной нет с собой.

— А на вёслах?

— Можно, — неохотно ответил мужчина, чтобы мальчик не подумал, что он пришёл просить у него помощи.

— Возьмите меня с собой. Мне очень хочется поймать ставриду, я их ещё никогда не ловил.

— И действительно, почему тебе ловить бычков? Сегодня должна хорошо ловиться ставрида.

Лодка вторично отошла от берега. Но теперь рядом с рыболовом сидел мальчик. Они устроились на одной банке. Мужчина взял левое весло, мальчик — правое. Рыболов был грузный, и мальчику пришлось сдвинуться на самый край, чтобы немного уравнять лодку своим весом.

С каждым ударом вёсел они всё дальше и дальше уходили в море, а вместе с этим всё больше и больше открывался берег со всеми бухтами и заливами. Прошло ещё немного времени, и вдруг в зелени деревьев, на горе, проглянула красная черепичная крыша детского дома. А потом уже показались хребты далёких гор.

— А ты неплохо гребёшь! — сказал рыболов и попробовал улыбнуться обгоревшими губами. Но шрамы на лице мешали ему. — Давай знакомиться. Зовут меня Василием Константиновичем. Я офицер запаса. Был на войне лётчиком-бомбардировщиком.

— Я, Саша. Иванов. Учусь в шестом классе.

— Ясно! — Василий Константинович закурил. — Ещё немного погребём и начнём, брат, ловить. Ведь не терпится, правда?

Они двинулись к группе рыбацких лодок. Саша с нетерпением смотрел в их сторону. Было хорошо видно, как рыболовы непрерывно вытаскивали лески. Ставрида, словно осколки стекла, ярко блестела на солнце.

— Как много ловят! — задыхаясь от волнения, прошептал мальчик. — Посмотрите, Василий Константинович.

— И мы будем ловить! А знаешь, Саша, давай-ка здесь и начнём.

Василий Константинович не торопясь пересел на корму,

взял удилице с катушкой, прицепил к толстой леске крючки с тяжёлым грузом. Мальчик заметил, что каждый крючок любовно убран. К одному было привязано синее пёрышко сойки, у другого — царски, у третьего — вороны. К четвёртому — зелёная или красная шерстинки.

Василий Константинович перекинул грузило за борт. Крючки один за другим устремились в зелёную воду.

Лётчик попробовал снова улыбнуться. Но его стянутые губы, словно листочки пергаментной бумаги, только чуть-чуть вытянулись и посветлели.

— Ловись, рыбка, — маленькая и большая. Ты слышишь, царь морской?

— А это помогает?

— Так все говорят!

Катушка продолжала кру-

титься и скрипела. Наконец леска остановилась.

— Вот и дно! — Василий Константинович повернулся к Саше. — А ты замечай, что я делаю. Он осторожно, несколько раз взмахнул удилицем. Потом медленно стал подкручивать катушку. Вдруг конец удилица вздрогнул и начал дрожать. — Села, голубушка! — Он продолжал всё так же медленно выбирать леску. Теперь конец удилица дрожал всё сильнее и сильнее и гнулся к самой воде. — Штук пять есть, не меньше.

— Ого! — вырвалось у мальчика. — И он увидел в воде первых рыб. Увеличиваясь, они казались ему страшно большими. — Тащите скорей!

Василий Константинович поднял удильник, и рыба повисла на леске над самой лодкой. Саша рванулся снимать её с крючков.

— Посмотри, на что поймали!

— Две — на чёрные пёрышки. Одну — на зелёную ниточку!

— Понятно. Сейчас переменим ставку! — Лётчик тут же достал из жестяной коробки новую ставку. — Ты, Саша, замечай. Посмотрим, сколько сейчас поймаем.

Не успело грузило дойти до дна, как хлыстик сильно задёргался и весь изогнулся.

— Вот видишь, правильно поступили!

— Конечно! — подтвердил мальчик.

Катушка тяжело скрипела, гулко звенела леска. Саша глянул в воду и оцепенел. На всех крючках висела рыба. Леска то вдруг отходила от лодки, то стремительно шла на неё. Мальчик почувствовал, что пойманные им три бычка совсем ничего не значат рядом с таким уловом.

Рыба шла на крючки без остановки. Саша торопился её снимать и колот пальцы об острые крючки. Скоро большая брезентовая сумка Василия Константиновича была до половины наполнена ставридой.

— Саша, ты пока полови за меня, а я покурю!

Отвернувшись от мальчика, лётчик смотрел в сторону лодок с рыбаками.

...Саша вскинул удилище и торопливо схватил первую рыбу. Она не была похожа на ставридок, но мальчик был этому даже рад.

Он представил, как удивится Василий Константинович. Но в этот момент боль пронзила его руку. Он тут же выронил рыбу и закричал. Огонь разлился по его руке, перебросился в плечо.

— Что случилось? Саша, разве ты не знал, что нельзя брать руками скорпиона? Это ядовитая рыба. Дай мне твою руку.

Василий Константинович схватил Сашину руку, сильно сдавил её и принялся отсасывать кровь.

Рука мальчика покраснела и вспухла. Он потерял сознание и сполз на дно лодки.

Лётчик достал бутылку с водой и побрызгал на лицо мальчика.

— Саша, Саша, как же так!

У мальчика дрогнули ресницы, и он на секунду открыл глаза.

— Вот так лучше. — Лётчик улыбнулся. — Попей немного воды. Сейчас пойдём к берегу. Ничего, что нас немного несёт, сладим! Правда?

Но лодка почти не двигалась. Саша стонал от боли. Как ему было ни больно, но он понял, что лётчик не справится один с вёслами.

— Давайте будем вместе грести, — сказал мальчик и сел к своему веслу.

— А ты сможешь?

— Да. Вы расскажите, как было на фронте? Папа у меня там погиб.

— Со мной это случилось на Курской дуге, — тихо сказал лётчик и на секунду задумался. — Ты слушаешь меня? Вылетели мы фотографировать станцию Прохоровка. Зенитки такой огонь открыли, хоть назад поворачивай. Начал я делать противозенитный манёвр. Штурман Коля Скорин уставился в карту. Я жду его сигнал. Так держать! — громко скомандовал он. — Я кивнул ему головой. Рядом под плоскостями рвутся снаряды, а я иду на одной высоте и считаю про себя секунды. Попадут или не попадут? Двадцать один, двадцать два. Три минуты отведены нам в маршруте на фотографирование. Только бы выдержать! «Истребители противника!» — крикнул стрелок. Осталось пройти ещё немного. Кончим фотографирование, примем бой.

— Я тоже считаю! — прошептал мальчик.

— Молодец, Саша, так держать!

— Ещё полминуты, только полминуты. Держись, Саша! — передал я стрелку-радисту. Его тоже, как тебя, Сашей звали. «Горит правый мотор!» — услышал я от стрелка. Двадцать один, двадцать два. Ты считаешь?

— Да, двадцать один, двадцать два!

Вдруг Коля Скопин сполз со своего стульчика. Я поддержал его. И в этот момент увидел пламя. Самолёт горел. Но я не мог бросить штурвал. У меня под рукой тихо билось сердце Коли Скопина. Я уже чувствовал запах горелого мяса. Горели пальцы, лицо. Я любыми силами должен был перетянуть линию фронта.

— Я больше не могу!

— А кем был твой папа?

— Танкист.

— Я видел, как они воевали. Танки были закопаны в землю. Назад ни шагу. Они дрались насмерть.

— Мне, кажется, уж легче. Скоро берег?

— Да, он совсем рядом.

— Я считаю.

Лётчик тоскливо смотрел по сторонам. Как назло, в сторону берега не шла ни одна лодка. Он представил себе, как тяжело грести мальчику, и удивлялся его силе и выдержке. Скорей бы только берег! Почему он так медленно приближается?

— Я больше не могу!

— Нам осталось пройти одну минуту по маршруту. Мы должны выдержать. Ты слышишь, Саша? Так держать!

Саша потерял сознание. Не

дожидаясь, когда волна вынесет их на берег, лётчик выпрыгнул в воду и потащил лодку. Он подхватил мальчика на руки и быстро пошёл по тропе в гору.

На шоссе шофёр сразу же остановил легковую машину, когда увидел Василия Константиновича с мальчиком.

— Слушай, друг! — торопли-

во сказал лётчик. — Мчи нас скорей в больницу. Мальчуган попал случайно в беду. Ты знаешь, я нашёл настоящего друга.

Шофёр, как все жители маленького приморского городка, знал, что Герой Советского Союза очень скуп на похвалы.

✱

Помогите Айболиту!

(Загадочная картинка А. Илючека)

Всю чашу доктор исходил...
Где заяц, слон и крокодил?

Смелыми не рождаются!

(О Ч Е Р К)

ЗОЛОТОВОЛОСЫЙ Рома Румянцев несловоохотлив. Отвечает кратко, как бы нехотя. Узнай-ка, что у такого скупого на слова мальчишки на душе!

Но я, отправляясь в приневскую деревню Малые Пороги, где живёт на даче паренёк, уже знал немного Рому. Ведь о человеке судят не по словам, а по делам и поступкам. А мне было известно, что Рома совершил по-человечески красивый поступок...

Много всяких писем приходит в редакцию в летнюю пору. От небольших белых листиков бумаги, испещрённых неровными рядами фраз, веет беззаботностью и весельем. Читаешь их и ощущаешь горьковатый дым походных костров, освежающие брызги воды, горячий задор спортивных соревнований. Но вот среди этих безмятежных писем — одно тревожное.

«Я со своим приятелем катался на лодке и нашёл ящик с минами от миномёта. Возможно, что там не один ящик» (обе фразы подчёркнуты жирной линейкой).

Автор письма сообщал: «Мы обратились к мужчине, руководившему разборкой близлежащего здания, а он сказал: «Ну и пусть валяются!»

Я боюсь, что маленькие ребя-

та по глупости начнут ковыряться в минах и взорвутся.

Дорогая редакция, сообщите об этом, пожалуйста, куда нужно.

С пионерским приветом
Роман Румянцев».

Редакция, конечно, немедленно сообщила об этой опасной находке «куда нужно».

На место происшествия прибыли сапёры. Они тщательно обследовали берег, нашли и обезвредили четырнадцать мин.

И вот мне захотелось познакомиться с мальчиком, который, как и подобает честному, порядочному человеку, проявил заботу о безопасности неизвестных ему людей, подал сигнал тревоги. Это желание привело меня на правый берег Невы, в небольшую деревню Малые Пороги, домики которой, казалось, разбежались среди буйных зелёных зарослей по крутому берегу и, увидев реку, удивлённые, внезапно остановились возле самой воды.

Узкая тропка, начинавшаяся возле калитки, вела вниз, к грубо сколоченному из досок столу, возле которого суетилась целая орава ребятшек всех возрастов.

На столе — парусные корабли — шхуны, бриги, фрегаты, яхты, цвѣртботы, большие и

маленькие, голубые, синие и красные, с поставленными парусами и убранными.

Один мальчишка, на вид старше других, испытывал руль «пиратского» брига и что-то говорил своему товарищу. Оба приятеля были непохожи друг на друга. Первый — золотоволосый, с тонким лицом, второй — круглолицый брюнет. Золотоволосый оказался семиклассником 35-й школы Ромой Румянцевым, автором письма. Брюнета, семиклассника 55-й школы, звали Мишей Хоробрых.

Они вместе совершали плавание на своём «фрегате» — большой лодке, над которой гордо высится мачта с парусом-простыней. Причалили к противоположному, низкому, берегу Невы. На плёсе заметили торчащий из песка угол ящика. Осторожно раскопали. Сквозь прогнившие доски увидели мины...

Беседа не клеилась по причине неразговорчивости и скромности Ромы. Его друг, чернявый

Миша, глядя на приятеля, тоже помалкивал — из чувства товарищеской солидарности.

Подошла мать Ромы, Зинаида Несторовна.

Как и всякая мама, она хотела, чтобы её сын, ничего не скрывая, рассказал о себе. Зинаида Несторовна строго сказала:

— Рассказывай, Рома!

После такого авторитетного вмешательства мальчуган кое-как разговорился. Вместе с Мишей на своём «фрегате» они ходили к Ивановским порогам. Течение там стремительное, вода крутит, пенится, злится. А мальчишкам хоть бы что. Руля у «фрегата» нет. Но юные мореплаватели искусно научились управлять парусом-простыней при помощи шкотов.

Не менее искусно они ныряют. Нет, не с какого-нибудь «презренного» лодочного причала, каких много в этих краях. А с лодки. Выйдет на ней Рома один на середину широкой полноводной Невы, станет на кор-

му и — бултых головой в воду. Пока вынырнет, отфыркается, быстрое течение далеко уносит лодку. Кролем, брассом, на боку — смотря по настроению — мальчишка настигает «фрегат», влезает и снова ныряет.

А невдалеке неторопливо проплывает громадный пассажирский теплоход. «Сухопутные» пассажиры подносят руки рупором ко рту, восхищённо кричат:

— Эй, парень! У тебя, случайно, не рыбы плавники?

Рома искренне удивляется: ведь он ничего выдающегося не делает — купается...

А когда шторм и даже чайки куда-то исчезают, Рома, на-

дёжно укрепив парус, с кем-либо из приятелей, чаще всего с Мишей, выходит на лодке «погулять» по волнам. Чем сильнее швыряет лодку, тем громче, стараясь перекрыть ветер, мальчуган поёт:

*Капитан, капитан,
улыбнитесь!
Ведь улыбка — это флаг
корабля*

Под этим испытанным «флагом» и пристали однажды мальчишки к берегу, на котором обнаружили ящик с минами.

Борясь с непогодой, «фрегат» вернулся только поздно вечером.

Материнское сердце Зинаиды Несторовны тревожно билось. Она спустилась к реке и напряжённо вглядывалась в вечернюю мглу — не мелькнёт ли вдали белый парус?

Когда, наконец, «фрегат» бросил якорь у причала, и Рома, промокший, со спутавшимися на голове волосами, возбуждённый борьбой со стихией, спрыгнул на берег, Зинаида Несторовна хотела его отругать. Но передумала: «А ведь я сама поощряла его дружбу с рекой, разрешила в непогоду кататься на лодке».

Отбросив мокрую прядь со лба Ромы, Зинаида Несторовна только сказала:

— Нельзя так поздно, сынок!

Рассказывая об этом, Зинаида Несторовна, глядя с нежностью на Рому, заметила:

— Мой сын должен вырасти настоящим мужчиной, а не

мокрой курицей. — Она продолжала: — Много лет подряд мы живём летом на берегу Невы. Когда Рома был ещё совсем маленьким, я и мой муж учили его не бояться ни волн, ни ненастья. Мы закаляем сердце нашего сына, чтобы его не оплели, словно ползучие сорные травы, робость и безволие.

Да, чтобы обрести смелость и отвагу, мало жить на берегу реки. Одной невской волне, несмотря на всю её красоту и мощь, не под силу выковать характер, смелый и решительный.

Это только древние греки, как рассказано в школьном учебнике, думали, что Афродита, покровительница мореплавателей, возникла из пены морской.

Из белопенной волны не выйдут «на брег» богатыри, словно в пушкинской сказке. Богатырей, смельчаков надо заботливо растить.

Это понимает Зинаида Несторовна, по семейной профессии — мама, а по служебной — инженер-гидролог, не раз преграждавшая плотинами течения бурных рек.

Храбрыми не рождаются. Отважными не становятся, прочитаю книгу или посмотрев кинофильм о героях. Смелость воспитывается. А для этого необходима смелость в самом воспитании. Её-то и проявляет Зинаида Несторовна.

Фотоснимки к очерку на 2-й странице обложки.

✱ ~~~~~

Елена Аксельрод

Кто скорее?

Трёхколёсную машину
Мне купил сегодня дед.
У меня, как у Марины,
Будет свой велосипед.
Я лечу, звонком звеня,
Не догоните меня!
Вдруг я слышу: догоняет,
Вдруг я вижу: обгоняет
Двухколёсная машина.
За рулём сидит Марина.
— Стой, Марина, погоди!
Я остался позади.
Что случилось? Чудеса!
В чём же дело? Вот вопрос —
Почему три колёса
Отстают от двух колёс?

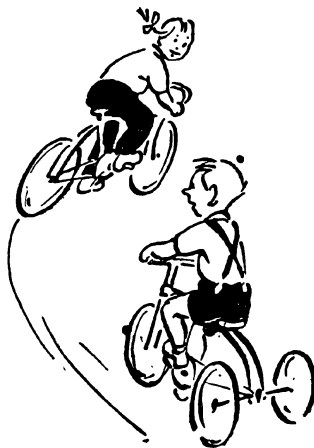

Рис. К. Бекташева

НА СИНЕМ МОРЕ

1

БАРАШКИ

Я лежу на пляже
Раскалённом.
Бронзовый от солнца,
Без рубашки...
По морю,
Как по траве зелёной,
Побежали
Белые барашки.
Побежали,
Кувыркаясь,
С шумом...
«Кто же
Здесь пасёт их?» —
Я подумал.
— Я пасу! —
Мне с гордостью ответил
Налетевший
Невидимка-ветер.

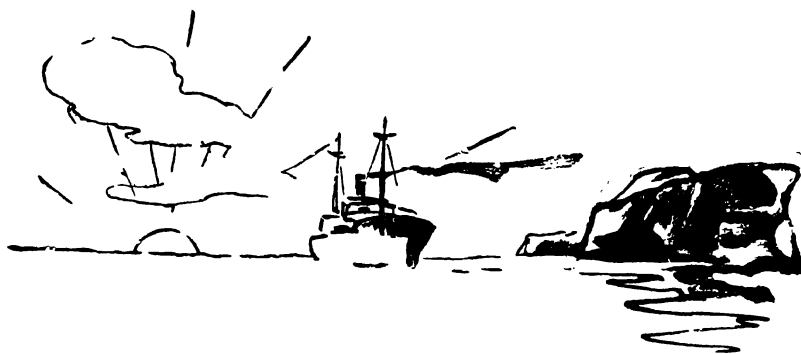

2.

ЧАЙКИ

Как кораблики
Бумажные,
Сели в море
Чайки важные.
Сели в море,
В воду синюю,
За скалистым
Бережком...
А волна
Бока и спины им
Чешет
Белым гребешком.

3.
ЗАКАТ

Вечер.
Море потемнело.
Возле моря —
Тишина.
Лапы белые
Несмело
Тянет к берегу
Волна.
А вдали,
В лазури ясной
Пароход идёт,
Гудит.
А вдали,
Как бакен красный,
Солнце тёплое
Лежит.

4.
НОЧЬЮ

Вот пришла
На берег снова
Ночи тихая пора.
Месяц
С неба голубого
Из рожка из золотого
Сыплет слитки
Серебра.
Расторопны,
Счастья полны,
Дружным обществом своим
Серебро сгребают
Волны
И мостят дорожку им.

В пионерском лагере

(Зарисовки В. Сердюкова)

Хорошо отдыхают ребята в пионерском лагере «Художник», расположенном вблизи Старой Ладogi.

На рисунках сверху вниз: увлечены игрой в шашки; зрителям нравится концерт художественной самодеятельности; после похода.

Юрий Момин

Капроновые сети

ЭТОТ дом стоял на берегу Енисея над самым обрывом.

Внизу была пристань.

Весной первые пароходы, расталкивая запоздалые льдины, угрожающе басили:

«У-у-у, стоишь ещё?»

И эхо приносило ответ:

«Стою-у-у...»

Покосившийся дом держался цепко. Берег, уступая напору вешних вод, оползая, рушился, и край обрыва подходил к дому всё ближе. Между брёвнами появлялись щели. Из них вываливались клочья белёсого, будто вываренного мха. Зелёная от плесени крыша прогнулась. А дом стоял...

И вот только что я получил письмо от отца. Он пишет, что дом рухнул. Мне кажется, я вижу Степана. Он грозит кулаком мне и Севке.

И только теперь я понимаю, что мы победили навсегда.

* * *

Никто не знал, откуда приехал к нам Степан Жуйков. Он как-то сразу обжился и купил этот старый дом на откосе. Дом достался ему почти задаром: никто не хотел в нём жить, знали — рано или поздно обвалится. И ветка¹ у Степана появилась очень скоро. И снасти.

Редкий день, идя в школу, мы

не встречали его «ЗИЛ» на дороге.

От лесозавода до склада на берегу метров восемьсот. Туда — с досками, обратно — пустой. Рейсов двадцать в день... И ведь уставал, наверное, чёрт железный!

А в семь вечера, хоть часы проверяй, он уже сидел в своей ветке. И путь один — наискосок через Енисей. А дальше — кто его знает... Плёсы у нас широкие, попробуй угляди.

Отец ругал себя последними словами за то, что дал ему прописку. Но ведь кто знал тогда...

Рыбаки наши на Степана здорово злились, хотели даже облаву устроить. Собирались, собирались и не собрались — времени нет.

Только рыбнадзор не отступался. У них дело на принцип пошло — кто кого. Степан с

¹ Ветка — лодка, выдолбленная из цельного ствола дерева, управляемая двухсторонним веслом.

рыбнадзором такую штуку выкинул, — по всем пристаням неделю смеялись. Они с вечера за сели его караулить у Монастырского острова. Был у них полуглиссер, восемьдесят сил. Часов в пять утра показался Степан. Гребёт домой, не торопится. Он один, их трое. У них — восемьдесят сил, а у него вёсла да руки. Ветка, правда, узенькая, быстрая: даже на спокойном ходу у носа — бурунчик.

Они запустили мотор и — наперерез. Метров пятьсот до Степана. А он — лопасть в воду, ветка — волчком и пошёл... Да как пошёл! Кто с берега смотрел, говорят, просто удовольствия получили. Вёсло у него в руках, как соломина. Ветка летит, будто её кто-то из-под воды толкает. А полуглиссер — сзади, только что не отстаёт. У него мотор был установлен неправильно, что-то там с центром тяжести не в порядке. До протоки — с километр. Успеет Степан к протоке — всё, не найдёшь. Но Степан поплыл не к протоке, а прямо к берегу. Так на пятьсот метров впереди и подошёл. Вылез и закурил. Рыбнадзорцы обрадовались: «нервы не выдержали». Выпрыгнули на берег. В носу ветки — сеть, на дне — рыба: два чира, штук десять пеляди. Сгоряча они даже не сразу разобрались.

— Акт подписывать будешь?

— Буду, — сказал Степан, — А насчёт чего акт?

— Насчёт незаконного лова рыбы.

— Разве новый закон вышел?

— Закон старый. Достукался, статью получишь.

— А ты мне не грози, — сказал Степан. — Я пуганый... Может, сетку измеришь?

Тут рыбнадзорцы опомнились. Даже мерить не стали, прикинули на руку — законная сеть, двадцать пять метров. И улов законный — кило десять.

— А почему не остановился?

— Разминка, — сказал Степан, — вроде утренней гимнастики. В тот же день отец вызвал Степана к себе в милицию.

— Жуйков, — сказал он, — слушай, Жуйков, в последний раз я тебе говорю — прекрати!

— Это вы об чём, начальник?

— О том же. Прекрати безобразничать.

— Я что, обидел кого? — спросил Степан. — Или подрался? Или напился?

— Слушай, Жуйков, — сказал отец. — Ты мне ваньку не валяй. Я тебе голову кладу — не уйдёшь. Один раз поймал — предупредил, теперь поймаю — срок получишь.

— Так вот вы об чём, — сказал Степан. — Нет, этим не занимаюсь. Бросил. Как обещал... Я себе не враг.

— Нам ты враг, — сказал отец.

Степан повёл плечом.

— Это не разговор, начальник. Ты мне не грози. Я советский человек, ты советский человек. Можешь... Если что... По закону! А оскорблять не имеешь права.

— Вор ты, Жуйков, — сказал отец. — Бессовестный воруга.

— У меня план — сто двадцать процентов. Я при случае могу и в райком сходить.

— Иди, — сказал отец.

Конечно, никуда Степан не пошёл. По-прежнему разъезжал он днём на своём «ЗИЛе», а ночью рыбачил на Енисее в одних ему известных местах.

Он возвращался часов в шесть на лодке, заляпанной рыбьей кровью. Он был настолько уверен, что даже не смывал кровь. Прямо с берега он направлялся к своей машине и весь день крутил баранку, сжимая её в пальцах, изрезанных острыми крючками. Мы с Севкой удивлялись его выносливости. Неужели жадность может сделать человека таким сильным?

Мы удивлялись и не любили его, как и все. Однажды вечером мы подкралась к дому на откосе. Было воскресенье. В этот день Степан обычно оставался дома. Мы заглянули в окно. Степан сидел за столом и зевал, глядя на лампу. Больше он ничего не делал, только

зевал. И нам вдруг стало страшно. Мы вдруг ощутили, что вокруг совсем пусто, что мы одни и за нашими спинами — тёмный и холодный овраг. На цыпочках мы отошли от дома. Севка пошарил по земле руками. Он поднял что-то и размахнулся. Гулко

грохнуло в крышу. По доскам шурша покатались крошки земли. Скрипнула дверь, на крыльце появилась серая тень.

— Кто балуется?

— Я, — прошептал Севка.

Затем дверь хлопнула снова. И было уже совсем не страшно.

Вот тут-то Севка и сказал, что мы можем поймать Степана. Всё дело в том, сказал он, что рыбакам и правда некогда. А наш рыбнадзор охраняет километров двести реки; они не могут всё бросить ради Степана. А твой отец, сказал Севка, уже старый, он только грозитя, но всё равно ничего не сделает. Просто ему не справиться.

— Он уже поймал один раз, — возразил я.

— Тогда Степан не прятался, а сейчас прячется. Нужно его выследить. Можешь принести бинокль?

— Нет, — сказал я так потому, что обиделся за отца.

— Тогда я сам, — сказал Севка.

На другой день я принёс бинокль.

Шел июнь. Не было ни дня, ни ночи. Мы ложились спать и вставали при свете солнца. Дома уснуть было очень трудно. А на берегу Севка уснул в первое же дежурство. Когда я пришёл его сменить, он сказал, что Степан, наверное, не выезжал.

— Не ври, — сказал я. — У тебя на щеке отпечатались травинки. Давай лучше дежурить вместе.

В следующий раз мы пришли на берег часа в два. Было очень тихо. Так тихо, что слышно было, как течёт река. Невдалеке

от берега полоскались в воде гагары. Когда они хлопали крыльями, у меня сжималось сердце. Мне казалось, что шум разносится по всему плёсу. Я так долго смотрел на реку, что мне стало чудиться, будто она вспухает и вода поднимается горбом всё выше и выше.

Наконец мы увидели чёрную полоску, которая медленно ползла против течения у другого берега. Потом она ткнулась в кусты и исчезла.

— Там протока, — сказал Севка. — Там много проток. Запоминай как следует.

Примерно через час ветка вышла из протоки и направилась к посёлку. Мы легли над самым обрывом и по очереди смотрели в бинокль. Когда я взглянул в последний раз, то увидел лицо Степана так близко, что даже мог различить капли пота у него на лбу. Степан торопился, чтобы не опоздать на работу.

Несколько дней я выпрашивал у отца лодку.

— Не дам, — сказал он. — Был уже разговор и хватит.

— А если мне очень нужно?

— Не дам, — повторил отец. — Это тебе Енисей, а не Днепр какой-нибудь.

— И даже не Парана, — сказал я.

— Что?

— Парана. Есть такая река в Южной Америке.

— Ну и ладно, — сказал отец.

— А есть ещё Рио-Гранде...

— Ну и ладно. Лодки ты всё равно не получишь.

— Между прочим, это одна и та же река.

— Только попробуй
взять лодку, — сказал
отец.

Но я попробовал.
Ведь если мы поймаем
Степана, нам всё про-
стят. Я даже как-то не
подумал, что мы можем
его и не поймать.

Когда отец уснул, я прокрал-
ся в его комнату, вынул из ко-
буры пистолет, вытряхнул на
ладонь ключ и положил писто-
лет обратно. Хуже всего было
то, что пришлось трогать писто-
лет. Но Севка сделал почище:
он принёс отцовское ружьё,
правда, без патронов. За это
ружьё давали моторную лодку,
но Севкин отец не стал менять-
ся. Такого ружья не было по
всему Енисею: три ствола — два
рядом, дробовые, и один пуле-
вой — сверху.

Часа в три ночи мы подплы-
ли к протоке, загнали лодку в
тальник и стали ждать. Ночь
была солнечная и безветренная.

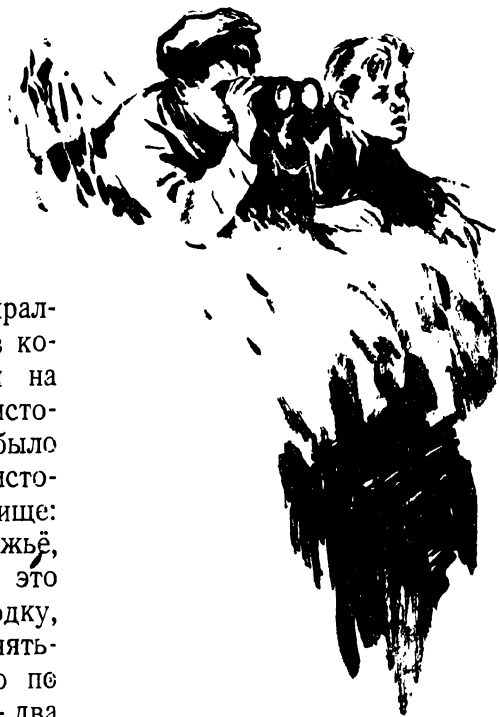
Всё вокруг гудело от комаров.
Мы отгоняли их от лица, но они
садились на спину, на ноги и
кушали сквозь одежду. Мы отма-
хивались руками изо всех сил,
но они умудрялись садиться да-
же на руки. Через полчаса у ме-
ня вся кожа пропиталась кома-
риным ядом и зудела так, будто
её натёрли песком.

— Интересно, кого бы они
жрали, если бы мы не приеха-
ли? — сказал Севка.

— И не остроумно! — отве-
тил я.

Мы просидели около часу, и
комары так нас искусали, что
мы чуть было не поссорились.

Степан появился неожиданно.

Когда мы услышали плеск весла,
он был уже метрах в десяти.
Мы замерли. Минут пять, пока
ветка не скрылась за поворотом
протоки, нельзя было даже ше-
лохнуться. До сих пор не пони-
маю, как я это выдержал. Ко-
гда я, наконец, приложил ладонь
ко лбу, раздувшиеся комары
стали лопаться с треском, как
семечки.

Затем мы поплыли вверх по
протоке. Наши вёсла булькали
громче, чем у Степана, просто
удивительно до чего громко. Мы
плыли долго, наверное, полчаса,
пока не увидели ветку, выта-
щенную на берег. От неё уходи-
ла в тайгу еле заметная тро-
пинка.

Мы спрятали лодку в заводи.
Я вылез на берег и осмотрелся.
Не было видно ни Енисея, ни
посёлка. Я взглянул на Севку.

— Мы только посмотрим, — шёпотом сказал Севка.

— Лучше брось ружьё, — сказал я.

— Украдут. — И Севка, тихонько раздвигая кусты, пошёл вперёд.

Тропа вывела нас к поляне, Степан был там. Он ходил от дерева к дереву и развешивал самолёвы. Настоящий самолёт! Метров пятьсот шнура и штук двести стальных крючков. На дальнем конце поляны стоял маленький шалашик. На кольях, воткнутых в землю, были растянуты сети. Несколько рядов сетей — метров триста крепкой капроновой ячеи. Целое богатство! Попади оно в руки рыбнадзора, Степан получил бы года два, не меньше.

Мы, пригнувшись, стояли в кустах. Степан прохаживался между деревьями. И мы не знали, что делать.

Севка держал ружьё, и комары облепили его лицо и руки. Особенно — руки. Казалось, на них надеты серые перчатки. Я видел, что Севка дёргает щекой, чтобы прогнать комаров. Но они сидели, как приклеенные. Севка поднял ружьё к плечу.

— Руки вверх!

Степан вздрогнул и выронил из рук самолёвы. Звякнули крючки. Степан медленно обернулся.

— Руки вверх!

Из куста смотрели на Степана три ствола.

— Товарищ, брось баловаться, — негромко сказал Степан.

— Следуйте вперёд! — сказал Севка и высунулся из куста.

У Степана вдруг стало очень

удивлённое лицо. Он не поднял рук, а медленно пошёл на Севку.

— Руки вверх! — с отчаянием повторил Севка.

Степан подошёл к Севке сбоку. Он взялся рукой за стволы, вытащил из куста упирающегося Севку и хлестнул его по лицу. Севка упал. Всё так же медленно Степан разомкнул стволы, посмотрел их на свет и треснул ружьём о берёзу. Приклад отлетел. Степан подобрал его и швырнул Севке вместе со стволами.

— Хорошее ружьё было, — сказал он.

И только тут я понял, что стою и ничего не делаю. Я подскочил к Севке.

— Тронь ещё, тронь!

— Иди, гуляй, — сказал Степан. — Милицию я уважаю.

Севка поднялся на ноги. Из носа у него текла кровь, а щека была просто синяя. Он стоял и смотрел на Степана. Комары снова облепили его распухшее лицо. А он стоял и смотрел, и не плакал.

— У-ударь... ещё... — сказал он.

— Иди, иди. Хватит с тебя.

— Ну, ударь!

Степан усмехнулся и пошёл к своим сетям.

Севка постоял ещё немного, подобрал обломки ружья, и мы побрели к лодке.

Дома меня ждал отец. Он даже не пошёл на работу.

— Ты зачем трогал пистолет? — спросил он.

— Я не трогал.

— Тебя спрашивают: ты зачем трогал пистолет?

— А ты не клади ключ в кобуру, — сказал я.

Отец начал расстёгивать португую. Я стоял неподвижно. Отец отстегнул ремень, сложил его вдвое и подошёл ко мне.

— Дай слово, что больше не будешь.

Но в эту минуту я так ненавидел Степана, что не боялся ничего на свете.

— Ну, будешь ещё?

Я молчал.

Отец покраснел и несильно стегнул меня по руке. Этого я и ждал. Я бросился в свою комнату и заперся на крючок. Я слышал, как отец ходил по комнате и зачем-то передвигал стулья. Потом он подошёл к двери:

— Борис...

— Я не откликнулся.

— Борис, надо всё-таки уметь отвечать за свои поступки. В прошлом году утонули трое, ты помнишь?

Я молчал.

Отец вздохнул. Снова слышались шаги. Хлопнула дверь. Я вышел из комнаты. Ключ от лодки лежал на столе. Под ним — записка: «Боря, сегодня я приду поздно. Пообедай в столовой». Рядом с запиской лежали десять рублей. Я подумал, что всё-таки люблю отца больше всех на свете.

После обеда я пошёл к Севке. Дверь открыла его мать. У неё были заплаканные глаза.

— И этот явился, — сказа-

ла она. — Морда опухшая и глаза красные. Или вы вместе были?

— Где были? — спросил я.

— Вот и я спрашиваю: где были? Кто ружьё поломал?

— Какое ружьё?

— Сам знаешь какое. Говори, где были?!

— Нигде не были, — ответил я. — Просто на лодке катались.

— Ты к нему лучше не ходи, — сказала Севкина мать.

Севка пришёл ко мне только через неделю.

— Ты никому не говорил?

— Нет.

— И не говори.

— А может, лучше показать рыбнадзору это место?

— Там уже ничего нет.

— Откуда ты знаешь?

— Значит, знаю, — сказал Севка. — И не говори никому, я сам найду.

— А как же я?

— Я тебя позову потом.

— А мне теперь отец ключ оставляет, — сказал я.

Севка помолчал немного.

— Борька, деньги, которые на палатку, я Ломакину отдал. Он мне теперь лодку даёт.

— Теперь можно на нашей. Возьми деньги обратно.

— Он не отдаст, я уже ездил, — сказал Севка. — Я ведь не знал... Зато у него лодка лёгкая.

— Ну и ездí один!

— Тебе-то что? Тебя ведь не тронули.

И Севка ушёл. Я даже не понял, за что он на меня обиделся. Зато вспомнил, что Севкина мать не велела мне приходить

к ним. И я решил: больше мы не дружим.

Севка прибежал ко мне дней через пять.

— Борька! Вот здорово! Идём скорей!

— Между прочим, меня это не интересует, — сказал я.

— Да брось ты, Борька! Я нашёл... Поехали теперь на твою.

Как ему удалось разыскать новый тайник Степана — не знаю. Наверное, он целый день пропал на реке, потому что у него кожа задубела от солнца.

Мы поехали днём, когда Степан был на работе. На этот раз пришлось плыть ещё дальше.

Мы вышли на поляну. Сети были развешаны на кольях. Самолов, как и раньше, растянут между деревьями, в несколько рядов. Стальные крючки раскачивались на поводках и, сталкиваясь, звенели, как колокольчики.

Севка вынул две бритвы.

— Зачем? — спросил я. — Давай сдадим в рыбнадзор.

— Нет, — сказал Севка, — пусть знает, что это я...

Севка подошёл к сети и полоснул её поперёк.

— Пусть попробует заштопать, — сказал он, полоснул ещё.

— Режь самолов!

За полчаса мы искромсали сети, самолов, отрезали крючки и утопили их в Енисее. Мы ушли, а на поляне осталась груда тонкой капроновой паутины. Но и этого Севке показалось мало. В посёлке он разыскал на берегу ветку Степана и пробил её молотком в трёх местах.

В воскресенье утром мы нарочно пришли на берег.

Степан был у своей ветки. Он накладывал заплаты из жести и прибивал их тонкими гвоздями. Он ни разу не взглянул на нас, хотя мы ходили совсем рядом. Положив последнюю заплату, он поднял голову и спросил:

— Ты лодку испортил?

— Я, — сказал Севка.

— Ну, подойди сюда, если ты такой храбрый.

— Иди сам, — сказал Севка.

Степан поднялся на ноги. Севка наклонился и подобрал булыжник.

— Ах, ты, сопля... — буркнул Степан и шагнул вперёд.

Севка поднял руку с булыжником. Я схватил его за плечо.

— Не надо, Севка!

— Правильно, милиция, не давай ему ходу, — засмеялся Степан.

— Не лезь, куда не спрашивают, — сказал мне Севка со злостью. Он бросил булыжник и полез в гору. Степан опять засмеялся.

— Ворюга! — крикнул я и побежал вслед за Севкой. Теперь уже я ничуть не жалел, что мы изрезали сети.

В понедельник днём, когда мы шли по улице, нас догнал гружёный «ЗИЛ» Степана. Поравнявшись с нами, Степан заглушил мотор. Он высунулся из кабины и спросил почти весело?

— Ты сети порезал?

— Я, — сказал Севка.

Степан рывком выпрыгнул из кабины. Он сделал это так быстро, что мы даже не успели опомниться. Мы пробежали всего несколько шагов, и он схватил меня, потому что я бежал сзади. Я увидел его перекошенный рот и лицо, совсем не такое, как на берегу, и даже не такое, как там, на поляне. Мне показалось, что он сейчас убьёт меня. И я закричал на всю улицу. Он держал меня всего несколько секунд. Я кричал и видел, что Севка повернулся и бежит ко мне. Я видел, что в домах распахиваются окна. Но люди в окнах были слишком далеко. Сейчас я надеялся только на Севку. И вдруг Степан отпустил мою руку.

Я обернулся. Рядом стоял отец. И теперь уже он держал Степана за руку.

— В чём дело?

— Ничего, товарищ началь-

ник, — сказал Степан. — Вот хотел поймать и к вам отвести.

— Что случилось, Борис?

— Лодку испортили, — сказал Степан. — Днище пробили. Совсем новая лодка, товарищ начальник.

— Идём со мной! — приказал отец. — Ты, Жуйков, приступай к работе. Я разберусь... поскольку есть от тебя такое заявление.

Отец привёл нас в отделение, в свой кабинет.

— Кто это сделал?

— Я, — сказал Севка.

— Мы, — сказал я.

— Зачем?

— Он вор, — сказал я. — У него сетей, как в колхозе. И самолёв.

— Откуда тебе известно?

— Все так говорят, — торопливо проговорил Севка.

— Не пойман — не вор, — строго сказал отец. Он достал из кармана пятьдесят рублей. — Иди, отдай за починку.

— Я не пойду.

— Тогда я пойду, — сказал отец. — Ты понимаешь, как это будет хорошо...

— Ладно, — сказал я, — пойду.

Мы направились к двери, но отец остановил нас. — Слушайте, друзья, вам зачем лодка нужна?

— Мы просто катаемся, — ответил Севка.

— И далеко?

— Нет, мы вдоль берега, — сказал я.

— Так, так, — отец покачал головой. — Ну, ладно...

Деньги мы сунули Степану под дверь. Наверное, он страшно удивился, когда их увидел.

Почти месяц Степан не выезжал на реку. И мы уже праздновали победу, хотя и старались не попадаться ему на улице.

А в конце июля ветка снова вышла на Енисей.

На нашей лодке мы возили для колхоза сено с далёких покосов и выслеживать Степана нам теперь было некогда, так же, как и взрослым.

Однажды мы проплывали мимо знакомой протоки, и Севка предложил подняться вверх, к тому месту, где мы встретились со Степаном в первый раз.

С Енисея тянул холодный ветер. Комаров не было и в помине. Мы не нашли старой тропы

и долго плутали в тальнике, пока не отыскали поляну. Мы вышли на поляну и увидели... сети. Новенькие капроновые сети! Я даже не поверил своим глазам. Или Степан думал, что мы больше не придём на это место?

Но Севка не стал раздумывать.

— Давай бритву, — сказал он.

А я оглядывал поляну. Мне казалось, будто что-то здесь изменилось. Вот шалаш... Берёза, о которую Степан сломал ружьё... Ну да, берёза! Она ле-

жала посреди поляны, выворотив из земли корни, покрытые пластами мха. А возле неё сидел... Степан. Он смотрел на нас. Он упирался руками в землю, и колени его ног были вывернуты в разные стороны.

И я сразу вспомнил, что сегодня мы не видели его «ЗИЛа».

Я подался назад.

— Ребята... Ребята, идите сюда... не трону.

Мы подошли ближе и поняли, что случилось. Берёза придавила Степану ноги. Она была немаленькая. Только очень сильный человек мог бы освободиться. Степан освободился. Но идти он не мог. Ноги были перебиты.

Наверное, я чувствительный. В эту минуту мне было очень жалко Степана. И я сразу простил ему всё. Но на Севкином лице сочувствия не было. Правда, он первый подхватил Степана под руку...

Это очень трудно — волочить сквозь тальник такого тяжёлого человека. Ветви тальника упругие, как пружины. Они цеплялись за нас и за ноги Степана. Но он молчал. Только часто закрывал глаза и скрипел зубами.

Мы положили его в лодку. Севка привязал к корме ветку, которую мы не заметили, когда вылезали на берег. На носу ветки мокрой грудой лежал самолет. Половина ветки была забита окровавленной стерлядью.

Полдороги Степан лежал неподвижно. Мы думали, что он потерял сознание. Но на середине Енисея он открыл глаза.

— Севка... — сказал он. — Слышь, Севка... Скинь самолетов.

Севка молча продолжал грести.

— Севка... ведь посадят... вылетят и посадят.

Севка молчал.

— Ребята... у меня в комнате деньги... под подоконником. За рыбу выручил. Мне не нужно. Берите себе. Ключ — вот он...

Степан попробовал повернуться на бок, чтобы залезть в карман. Но повернуться он не смог. Он прислонился головой к борту и смотрел на нас, не мигая.

— Боря, — громко сказал Севка, — когда пристанем, ты беги в милицию, а я его покараю.

Некоторое время Степан лежал молча. Потом он заговорил хрипло, с большими паузами.

— Кого караулить... меня? Не убегу... не на чем... Скинь самолетов, Севка. Я тебе ружьё куплю... новое... взамен того...

— Нет! — сказал Севка.

— Ты мне сети порезал...

— Порезал, — сказал Севка.

— ...Тысячи на две... Я же ничего... А что ударил, — извини.

Севка наклонил голову и стал грести ещё быстрее. Берег был уже близко. Степан приподнялся на руках.

— Не знал я, что ты такой, — сказал он, морщась. — Я ведь всё равно, что раненый... Мне... может... не ходить больше... А ты — предатель.

Севка покраснел и бросил вёсла?

— А кто самолетов ставил? Мы! — крикнул он. — А сет-

ка?!.. Незаконная!.. А я—предатель? — Севка подтянул ветку и рывком перевернул её. Самолов плюхнулся в воду и пошёл на дно. Из-под борта вынырнула окровавленная, но ещё живая стерлядь. Она слабо виляла хвостом, пытаясь уйти в глубину. — На! — крикнул Севка. — Сам ты предатель!

Мы подошли к берегу. Перевернутая ветка тащилась сзади.

Севка выпрыгнул из лодки и, не оглядываясь, пошёл прочь.

Степан уехал от нас неизвестно куда, как только вышел из больницы.

* * *

Письмо отца лежит передо мной. Я засовываю его в карман и бегу на улицу. Я втискиваюсь

в телефонную будку и долго уговариваю коменданта вызвать Севку с третьего этажа, комната тридцать девять.

— Севка! — ору я в трубку. — Ура! Дом обвалился!

— Ты спятил? Или ты уже сдал экзамен? — спрашивает Севка.

— Нет, — кричу я, — просто мне очень хочется съездить домой! Поедем?

— Летом можно, — говорит Севка.

— Приходи, есть интересное письмо.

— Лучше ты... — говорит Севка. — Мне некогда.

Я швыряю трубку на рычаг и бегу к остановке.

Иван Демьянов

Тропинка

Есть на даче нашей
Мягкая тропинка.
Над тропинкой машет
Ветками осинка.
По тропинке этой
Ходим к речке с мамой,
На тропинке ветер
Сдул с меня панаму...
По тропинке быстро
Катится мой мячик.
По тропинке мшистой
В лес кузнечик скачет.
Каждый вечер летом,
Озарив оконце,
По тропинке этой
Спать уходит Солнце.

Ветерок

Ветер,
ветер,
ветерок,
Ты сегодня нам помог:
Сдул с дорожек столько
пыли
И исчез с ней вдалеке...
Полотенце мы забыли, —

Рис. Г. Ясинского

Ты нас вытер на реке!
Мы стирали с тётей Валеи, —
Ты бельё сушил в саду.
Змея в небо запускали, —
Ты старался, ветер, дул.
Прилетай из чащи чаще,
В листьях яблони шуршащий,
Попрохладней будут дни,
Вот тогда и отдохни!

Бусинки-росинки

На траве-травинке
Бусинки-росинки,
Солнцем озарённые:
Красные,
Зелёные,
Жёлтые
И синие, —
До чего ж красивые!
Засверкали у калитки,
Ими весь усыпан луг.
Нанизать бы их на нитки —
Хватит бус для всех подруг!
Но пока я так мечтала,
Солнце бусинки собрало.
Даже в травах под сосной
Не осталось ни одной!

П О В Е С Т Ь

МОРСКОЙ ЗАЯЦ

ПОКА члены клуба шли к воротам порта, Сашка по тропинке сбежал с сопки и, скрываясь за постройками, направился к бухте. Он отлично знал все ходы и выходы. Через проходную его могут не пропустить, хотя он и во флотской форме. Начнут спрашивать: что да почему... А в это время подойдут члены клуба с Петром Петровичем, и тогда всё пропало. Вот поэтому-то в порт надо проникнуть не через ворота, а через ограду. Во время отлива там, за оградой, из-под воды выступают камни, по ним и можно пробраться.

На территории порта Сашка спрятался за большим штабелем брёвен и начал наблюдать. Отсюда отлично видна шхуна. Там матросы под командой боцмана задраивали трюмы, крепили стрелы, из шлангов поливали палубу водой.

С борта шхуны на причал был перекинут трап.

Возле трапа прохаживался дежурный с синей повязкой на

рукаве. Нет, тут не пройдёшь. Быть может, попытаться через катер?

Рядом со шхуной на волнах покачивался катер «Пурга».

Сашка проворно взбежал на катер. Его ботинки застучали по палубе.

— Кто там танцует? — слышался из открытой двери кубрика чей-то голос.

Сашку точно кнутом кто стегнул: он моментально кинулся к шхуне, схватился за поручни, подтянулся на руках и влез на палубу.

Куда же теперь? Где спрятаться?

Рядом стояла закрытая брезентом шлюпка. Через несколько секунд он уже лежал на её сухом ребристом дне. Под ним были вёсла, какие-то верёвки, спасательные пояса.

Только теперь Сашка почувствовал, как сильно бьётся его сердце.

Рядом со шлюпкой ходили и что-то делали матросы. Слышались голоса, топот ног, какая-то команда. Сашка поудобнее устроился в шлюпке и стал прислушиваться.

Вот по трапу мелко застучали шаги многочисленных ног, и

Продолжение. Начало см. «Искорку» № 7 за 1960 год.

шхуна сразу же наполнилась звонкими голосами.

— Счастливого плавания!

— Пишите письма!

— А кто же их будет передавать, чайки?

— Ангу, привези белого медвежонка!

— А мне нерпочку!

— Айпина, а тебе не страшно?

Перекличку между берегом и палубой шхуны покрыл громкий гудок. Послышалась команда:

— Убрать трап!

— Отдать швартовы!

— Выбрать якорь!

Зашумела шпилевая машина,¹ загрохотала якорная цепь.

¹ Шпилевая машина — машина, с помощью которой подымается якорь.

— Якорь чистый! — докладывает боцман.

Звонок. Это команда в машинное отделение, вероятно. «Малый вперёд!»

«Айсберг» даёт долгий гудок. Ему по очереди отвечают стоящие в бухте корабли.

Сашка по гудкам различает пароходы.

— У-у-у-у... — низким басом откликнулся ледкол «Адмирал Лазарев». У дизель-электрохода «Енисей» сирена, как у машины «Победа», а у большого парохода «Анадырь» гудок хриплый. Вот тоненько пропищала зверобойная шхуна «Ваямполка».

И на каждый гудок отвечает «Айсберг», точно благодарит за пожелание счастливого плавания.

Таков морской закон — корабли всегда так прощаются с судами, которые уходят на Север.

Отзвучали последние гудки. Сильнее задрожал корпус шхуны — она пошла полным ходом. За бортом тихо заплескались волны.

«А что же делать дальше? — растерянно подумал Сашка. — Неужели всё время лежать вот так, в шлюпке?»

Конечно, наилучший выход из такого положения — это шторм. Большущие волны станут заливать шхуну, смывать с палубы грузы, выведут из строя рулевое управление. Вся команда выбьется из сил, а вон те «капитаны» будут сидеть в каютах и дрожать от страха. В последнюю минуту, когда уже будет решаться судьба шхуны, он, Сашка, выйдет из своего укры-

тия и спасёт шхуну от гибели. Потом, после шторма, когда прояснится небо, успокоится море и солнце осветит спасённую шхуну, капитан выстроит команду и огласит приказ: «За помощь команде во время шторма, за героизм и отвагу, Александру Демиденко объявляю благодарность и зачисляю его в экипаж судна...»

Рядом со шлюпкой кто-то прошёл. Постепенно шаги утихли. Потом у шлюпки остановились несколько человек. Сашка насторожился.

— Как хорошо нас провожали, я чуть не расплакалась... — Сашка по голосу узнал Айпину.

— Ну, вы все плаксы! Чуть что случится — сразу же в слёзы... — ответил ей Ангу.

— Мне Сашку очень жаль, — сказала Айпина. — Он так мечтал, так мечтал поплавать на шхуне!.. А теперь, наверно, сидит на сопке и смотрит, как шхуна исчезает за горизонтом.

— Он, пожалуй, домой на Ловер уехал. Я его звал, звал, надеялся, что, если мы попросим на линейке, все вместе, Петра Петровича, он разрешит Сашке выйти в море. Если бы не Сашка, у нас и клуба не было бы.

— А ты, Ангу, тоже виноват, — помолчав, заявила Айпина. — Ты же знал, что Тнарат с Сашкой собираются на птичий базар?

Сашка прислушивался к разговору, и ему было очень приятно, что о нём вспоминают. На душе стало спокойно. Он зевнул, повернулся на бок, подложил под щёку ладонь и заснул.

Проснулся он оттого, что по палубе, рядом, кто-то грохотал тяжёлыми сапожищами.

— Митрич! Слышь, Митрич! — Сашка узнал голос боцмана. — Куда ты белила запрятал? Я уже с ног сбился, всё утро их ищу. Трап надо подкрасить...

— Белила? — переспросил тот, кого называли Митричем, таким густым басом, что Сашке

та, потом наткнулась на Сашкино плечо и отдернулась. Боцман от неожиданности что-то заворчал себе под нос, потом громко крикнул:

— Митрич, иди-ка сюда!

— Не нашёл, что ли?

— Нашёл, да не то, чего искал. Посмотри!

Брезент подняли. Сашка, всё ещё не отваживаясь раскрыть глаза, поднялся на ноги.

показалось, будто брезент на шлюпке задрожал. — Я их на ночь в шлюпку запрятал. В камбузе оставлять их было невозможно. От них запах сильный идёт...

— В какую шлюпку?

— Да в ту вон, что рядом с тобой.

— Непорядок, — ворчит боцман. — Кто же белила в шлюпке прячет? А ещё военным моряком был...

Край брезента чуть приподнялся, и в шлюпку просунулась рука боцмана. Сашка зажмурил глаза, прижался к дну и затаил дыхание. Рука пошарила у бор-

— Кто же это такой? — спросил Митрич.

— Известно кто — заяц, да к тому же не простой, а морской.

А может, он из тех ребят, что сегодня вышли с нами в плаванье? Видишь, он во флотской форме.

— Но зачем ему понадобилось в шлюпке прятаться? — спросил боцман. — Ты, мальчик, открой глаза и отвечай, когда тебя спрашивают.

— А вы меня ещё не спрашивали, вот я и молчу... — понутив голову, ответил Сашка.

— Ну, отвечай, ты из тех,

или не из тех? — допытывался боцман.

— Вчера ещё я был из тех, а сегодня уже нет...

— Вот оно как, — кивнул головой боцман. — Придётся тебя, мальчик, отвести к капитану.

Медленно поплёлся Сашка за боцманом. Они направились на ют¹, по узенькому трапу поднялись на спардек.² Боцман пошёл на мостик докладывать капитану.

Вокруг лежало море, спокойное, синее. Над шхуной кружили белокрылые чайки. Едва заметный ветерок морщил воду. На корме развевался красный флаг.

Отбили склянки. Четыре двойных удара — двенадцать часов. Солнце стоит высоко над головой, и короткие тени лежат прямо по курсу шхуны. Значит, шхуна идёт на север. Берегов уже не видно. Там, на горизонте, синее едва заметная полоска — возможно, это далёкие горы, а быть может, облачка.

Скрипнула дверь, и Сашка от неожиданности вздрогнул. На пороге ходового мостика стоял боцман.

— Ну, зайчик, быстренько к капитану! — сказал он громко, а затем шёпотом добавил: — Он, брат, у нас, знаешь, какой строгий!

У Саши задрожали колени. Он нерешительно переступил через высокий порог и очутился в рулевой рубке.

На него с удивлением устре-

мились взгляды нескольких пар глаз.

— Да это же Сашка! Ур-р-а-а-а! Сашка с нами! — изо всех сил закричал Ангу и сразу же умолк под суровым взглядом капитана.

— Так вот о каком зайце докладывал боцман... — промолвил он, разглядывая Сашку. — Это тот самый заяц, который уже однажды успел нарушить дисциплину. И, несмотря на то, что ему не разрешили выходить на шхуне в море, нарушил дисциплину вторично...

Сашка переминался с ноги на ногу. Он был готов к тому, что его могут наказать, запереть в тёмную каюту... А тут такие разговоры...

— Что же мы с ним будем делать? — спросил капитан.

— Товарищ капитан, — снова вырвался Ангу. — Разрешите, я скажу!

— Ну, говори, — разрешил капитан.

— Мы все знаем, что Сашка сделал плохо, он это уже и сам понимает. Но Сашка хороший товарищ, он первый предложил организовать наш клуб, он лучше всех нас знает морское дело. Поэтому мы просим оставить его на шхуне.

— А потом ему у нас не понравится и он сбежит на берег или перейдёт на другое судно. Не так ли? — спросил капитан.

— Никуда он от нас не уйдёт, — решительно заявил Ангу. — Правда, Сашка, не уйдёшь?

— Человеку, который дважды нарушил дисциплину, ничего не стоит сделать это и третий

¹ Ют — кормовая надстройка.

² Спардек — средняя надстройка на судне.

раз. Кто может сказать, что ещё придумает через час Саша Демиденко? Быть может, ему понравится остров Врангеля и он останется на нём? Или откажется выполнить какое-нибудь важное задание и тем самым поставит под угрозу судно? Вы все должны знать, что самое важное на корабле — дисциплина!

— Я никуда не перейду, — с надеждой глядя на капитана, пробормотал Сашка. — Даю честное пионерское!

— Возможно, кто-нибудь и поверит тебе, а я лично не имею для этого никаких оснований, — строго ответил капитан. — Поэтому я приказываю: за грубое нарушение дисциплины передать Демиденко на первое же встречное судно, чтобы высадить его в бухте Комсомольской. Чтобы он без дела не слонялся по шхуне, я временно назначаю его помощником кока. Будешь драить посуду на камбузе. А о твоём вчерашнем поступке сообщим радиogramмой родным и заведующей интернатом.

— Есть, товарищ капитан, драить посуду! — радостно ответил Сашка и с облегчением вздохнул. Он было испугался, что шхуна сейчас развернётся, подойдёт к берегу, и капитан высадит его. А помощником кока поработать можно. Кок — почти настоящий моряк...

— Теперь продолжим наш разговор, — сказал капитан. — Мы будем изучать историю открытия морей и островов, через которые лежит наш курс. Сейчас мы находимся...

— В Беринговом море, — подсказала Айпина.

— А кто первым из русских моряков открыл его?

— Конечно, Витус Беринг.

Тут Сашка не выдержал.

— Разрешите мне, товарищ капитан! В этом море первым из русских людей побывал казак Семён Дежнёв. Он открыл пролив, который разделяет Азию и Америку. Только в то время мало кто знал об открытии Дежнёва, а Витус Беринг побывал в этих водах значительно позже...

— Прямо, как по книжке читает. Молодец! — похвалил Сашку боцман.

О ЧЁМ ПЕЛА ЛЬДИНА?

ГРОМКО стучит мотор, радостно бьётся сердце Тнарата. Он сидит в вельботе и слушает, как за бортом плещет вода. Хотя вельботу и далеко

до настоящей шхуны, такой, как, например, «Айсберг», но Тнарат не завидует ребятам из клуба полярных капитанов. Ну, что они будут там делать? Ходить по палубе, заглядывать в машинное отделение... Хорошо ещё, если позволят кому-нибудь из них подержаться за штурвал. А он — настоящий член бригады! Он будет охотиться, убьёт много моржей. Будет о чём рассказать товарищам в интернате! Жаль только, что Сашка не захотел поехать с ним в стойбище. Тогда они вдвоём, на этом вельботе вышли бы в море на охоту. Умка обязательно взял бы и Сашку в свою бригаду.

А быть может, удастся встретить шхуну в море?

Солнце низко спустилось к морю, и от него бежит к вельботу золотистая ослепительная дорожка. Через несколько часов солнце, не касаясь воды, снова подымется вверх. Так будет много дней подряд, и все они сольются в один длинный день. А потом наступит бесконечная ночь. На небе повиснет большой меднобокий месяц, да полярное сияние будет вспыхивать разноцветными волнами.

Тнарат поёт песню. Песня эта без слов, но если бы его спросили, о чём он поёт, Тнарат ответил бы так:

— Какое хорошее море, оно спокойное и ласковое. В нём отражается небо, и потому оно такое синее-синее. А вот пробежало по небу небольшое облачко, и море сразу же потемнело...

...Солнышко расстелило по морю золотистую дорожку. Ку-

да ведёт она? Верно, далеко-далеко. Я очень люблю море, такое спокойное и приветливое...

...Но вот нахмурится небо, и море станет суровым и грозным. Огромные серые волны будут с тяжёлым грохотом разбиваться о камни, словно щепочку, станут швырять наш вельбот. Но я не боюсь бурного моря. Я смело поведу свой вельбот навстречу волнам и ветру...

С севера подул холодный ветерок. Вельбот приближается к торосам. Одни из них напоминают островерхие чукотские яранги, другие походят на сопки, — а некоторые на зверей. Вот большущий торос с двумя горбами. Посмотришь на него и представляется тебе белый медведь. Кажется, лежит он на льдине, подложив лапы под большую голову, и пристально глядит на море.

В изломах льда отражаются солнечные лучи и потому лёд кажется то голубым, то ярко-зелёным, то даже красным. Ослепительно блестит снег, и от этого начинают болеть глаза.

Тнарат надевает тёмные очки и разочарованно вздыхает: чудесные краски моментально поблёкли, словно торосы покрылись слоем серой пыли.

Разводья, по которым шёл вельбот, становились всё уже и уже. Умке всё труднее рулить, того и гляди, лодка врежется в льдину.

— Кавауге, заглуши мотор, дальше пойдём на вёслах, — подаёт команду Умка. Мотор несколько раз чихнул и умолк,

а вельбот продолжает стремительно рассекать воду.

— Мне тоже грести? — спрашивает Тнарат.

— Сиди на своём месте. Наблюдай в бинокль. — Умка сказал это спокойным тоном, но все поняли: моржи должны быть где-то тут, поблизости.

Тнарат поднёс к глазам большой охотничий бинокль. Он оглядывает торосы, льдины, разводья, промоины, но моржей всё ещё не видно. Лишь только нерпы изредка высовывают из воды свои любопытные мордочки.

Первым заметил моржей не Тнарат, а Умка. И как только старик увидел их без бинокля? А ещё говорит, что у него зрение плохое, и на заседания правления колхоза всегда приходит в очках.

Вельбот остановился. Все осторожно, стараясь не шуметь, вышли на льдину. Моржи неподвижно лежали за торосами. Жёлтые, блестящие, точно отполированные, бивни блестели на солнце. Моржи, вероятно, спали, только один, часовой, изредка приподымал голову.

Первым выстрелил Умка. Среди вековой тишины полярных просторов выстрел прозвучал неожиданно тихо, словно где-то неподалёку треснула льдина. Дозорный морж так сильно ударил бивнями по льдине, что мелкие осколки льдинок радугой сверкнули на солнце. Но остальные моржи даже не шевельнулись.

Теперь можно подходить ближе и стрелять уже наверняка. Снова выстрелил Умка, потом Кавауге, за ним Чаре.

Тнарат упал на колено, прижал к плечу карабин, поймал на мушку голову крупного моржа и нажал на гашетку. Сухо щёлкнул затвор, но выстрела не было. Он проворно открыл затвор и побледнел от досады: забыл зарядить карабин! Патроны лежали в кармане камлейки. Он начал рыться в карманах, но в руки попадали совсем ненужные вещи — какие-то верёвочки, найденный на берегу ключ, моточек тонкого провода, гвозди. А когда, наконец, нашёл патроны и зарядил карабин, стрелять уже было поздно.

Охотники стояли возле убитых моржей и о чём-то беседовали.

«Это они обо мне говорят, что я не убил ни одного моржа, — подумал Тнарат. — Какой позор!»

К мальчику подошёл Кавауге. Он, кажется, забыл уже об утренней ссоре и теперь добродушно улыбался.

— Удачная охота сегодня! Пять таких моржей — это, знаешь, сколько мяса! Наша бригада, вероятно, больше всех убила моржей.

Кавауге не мог удержаться и принялся хвастать.

— Вот это мой морж! — толкнул он ногой большую тушу. — Я ему в голову попал. А ты какого подстрелил?

— Я не помню... Быть может, этого...

— Как это не помню? — Кавауге подозрительно поглядел на Тнарата. — Я помню, Умка помнит, Чаре тоже помнит, а ты забыл? Может, ты совсем не стрелял? А ну, покажи карабин!

Кавауге проворно нагнулся и понюхал отверстие ствола.

— Ну, конечно, не стрелял, а ещё говоришь: «Я вот этого подстрелил»...

— А ты не задавайся! — не вытерпел Тнарат. — Если я теперь не убил, то потом убью, вот увидишь!

— Интересно, когда же ты успеешь? — насмешливо произнёс Кавауге. — Охота уже закончилась. Скоро домой поедем.

Тнарат промолчал. Да и что он мог ответить Кавауге, что он мог сказать в своё оправдание? «Слово охотника — крепкое слово, но делам всегда верят больше, чем словам», — так сказал сегодня утром Умка. А

разве отец не говорил об этом же Тнарату? Разве Тнарат не знает, что люди побережья и тундры презирают хвастунов?

— Нет, нельзя так возвращаться в стойбище. Надо обязательно найти ещё одну лёжку моржей и самому убить не меньше пяти. Тогда Кавауге, Умка, Чаре забудут о его неудаче, а Умка попросит правление, чтобы Тнарата оставили в бригаде до конца промысла. Надо делами доказать, что я — настоящий охотник...

Тнарат оглянулся. Охотники начали возиться возле моржей. Большими ножами они вырезывали куски мяса и складывали их в кучу.

— Ты, Тнарат, далеко не хо-

ди, — предупредил мальчика Умка. — Скоро будем возвращаться домой.

— Да я недалеко, — ответил Тнарат.

Он закинул карабин за спину и пошёл вдоль трещины, обходя полыньи, перепрыгивая через небольшие разводья. С высоких торосов он осматривал ледяные поля, но моржей нигде не было видно. Выходит, найти их не так-то уж и легко... Но необходимо найти! Без них невозможно возвращаться в стойбище!

Вокруг, сколько достигал взор, Тнарата окружали нагромождения огромных торосов. Они стояли молчаливые, суровые, словно охраняли тишину ледяных просторов. Где-то далеко на берегу остались мама и сестричка Авак. Они, вероятно, беспокоятся о нём. На Ловер уже приехал Сашка. Интересно, что он сейчас там делает?

Солнце опустилось низко над горизонтом, касаясь своим диском полосы тумана, который лежал над ледяными полями. От торосов вытянулись длинные тёмно-голубые тени. Там, где они кончались, кристаллы снега отсвечивали нежно-розовым светом. Вероятно Тнарат долго уже бродит среди торосов. Он почувствовал усталость и присел на льдину, чтобы немного отдохнуть.

Вдруг какие-то звуки, тихие, мелодичные, привлекли его внимание. «Тинь-тинь, пиу-пиу. Тянь-тянь, тинь-тинь, пиу-пиу, тянь-тянь...»

Что это такое? Кто так хорошо поёт тут, среди ледяной пу-

стыни? Ни людей, ни зверей, ни птиц поблизости не было...

Мальчик снова прислушался. Эти волшебные звуки рождались где-то здесь, поблизости, среди льдов. Так и есть! Это же лед поёт так замечательно!

У ног мальчика проходила трещина, и было видно, как колышутся льдины. Тнарат вспомнил рассказы охотников: лёд поёт, когда приходит мёртвая зыбь. Но эта приятная песня часто бывает и предвестницей шторма...

Послышались далёкие выстрелы... Один... второй... третий... Ещё три... Его разыскивают, его вызывают к вельботу...

Тнарат побежал. Он был сыном и внуком охотников, он умел хорошо ориентироваться; правильно выбрать направление. И он сразу же заметил, что там, где раньше были маленькие трещинки, теперь появились широкие разводья, а в иных местах льдины сомкнулись.

Тнарат вылез на вершину тороса и увидел охотников. Они устанавливали палатку, складывали в кучу куски моржового мяса. Сильный ветер сбивал людей с ног, вырывал из рук брезент палатки.

А вот той трещины между льдом, большой и широкой, по которой они добирались сюда, уже не было. Ледяные поля сомкнулись. Вельбот, склонившись набок, стоял на льдине.

СРОЧНАЯ РАДИОГРАММА

В КАЮТЕ темно, словно наступила ночь. Волны с силой бьются о борт шхуны. Слыш-

но, как в снастях сердито завывает ветер. Шхуна то зарывается носом в волну, и тогда иллюминатор покрывается мутно-зелёной пеленой, то стремительно взлетает на гребень, и в каюте становится немного светлее.

Сашка поднял с подушки тяжёлую, словно после недавней болезни, голову, чтобы посмотреть в иллюминатор, в тот же миг вскрикнул от боли. Шхуна резко качнулась, и мальчик стукнулся лбом об железную перекладину койки. Вскочила большая, плотная шишка. Сашка пощупал её и вздохнул: заметят ребята и сразу же подымут его на смех: что, скажут, и на камбузе штормы бывают?

На камбузе... Вчера ему уже привелось познакомиться с этим далеко не наилучшим помещением на судне. Работа там нетрудная: чисти картофель, мой посуду, носи в кают-компанию чай. Только то утешало Сашку, что кок, Василий Дмитриевич, был настоящим военным моряком и знал множество очень интересных историй. К тому же он много лет плавал вместе с Петром Петровичем. Когда ребята узнали об этом, они заходили на камбуз посмотреть на кока, а чтобы послушать его рассказы, присаживались даже чистить картошку.

Сашка снова пощупал шишку и проворно соскочил с койки. Надо побыстрее одеваться, скоро на вахту.

— Зайчик, на камбуз, живо! — слышался за дверью каюты басистый голос дяди Васи.

— Есть на камбуз! — откликнулся Сашка.

Он вышел на палубу. Сильный порыв ветра едва не сбил его с ног. Мокрая палуба шаталась, убегала из-под ног.

Настроение сразу же улучшилось. Настоящий шторм! Не каждому приходилось бороться с ним, да ещё на таком небольшом судне, как шхуна.

На камбузе Сашка поверх бушлата надел белую поварскую куртку.

— Ну, как, — хитровато улыбаясь, спросил его кок, — не укачало?

— Да нет, я шторма не боюсь!

— Ну, тогда выйдет из тебя моряк!.. Отнеси капитану термос с кофе.

— Есть отнести термос капитану!

Нелегко пройти в шторм по скользкой палубе, нелегко подняться по крутому трапу на верхнюю палубу, держась за поручни только одной рукой, потому что во второй крепко за-

жат термос. Сашка едва не сорвался с трапа, когда шхуна с высокой волны скользнула вниз.

От трапа Сашка быстро перебежал к рулевой рубке. Дверь ему открыл Ангу.

— Здорово, Сашка! Ты чего сюда прибежал?

— Мне к капитану.

— К капитану? — удивился Ангу. — Тогда заходи вот в эту дверь.

Сашка тихонько постучал и, не услышав ответа, открыл дверь. Капитан стоял, склонившись над столом, и что-то высчитывал. В его руках были линейка и циркуль. Вид у капитана был очень утомлённый, глубокие морщины избороздили лицо.

«Он, пожалуй, всю ночь не спал, — подумал Сашка. — Он ведь отвечает и за шхуну, и за команду, и за нас».

Капитан поднял голову. Лицо его сразу же стало приветливым.

— Ну, что же ты остановился у порога? Проходи.

— Я вам кофе принёс, вот — в термосе.

Сашка поставил на край стола термос и вытащил из кармана завернутый в пергаментную бумагу бутерброд:

— Разрешите идти?

— На камбуз торопишься? Что ж, правильно, коку сейчас там нелегко. Надо ему помогать. А почему это у тебя вся одежда мокрая?

— Да я... Когда по трапу подымался, так меня волною...

В дверь постучали. Вошла Айпина:

— Товарищ капитан, вам срочная радиограмма.

Капитан развернул узенькую синюю бумажку радиограммы. Лицо его сразу же нахмурилось.

— Так, — тихо промолвил он. — Придётся менять курс.

Капитан снова склонился над картой.

Сашка и Айпина потихоньку покинули рубку. На палубе Сашка дернул девочку за рукав.

— Что случилось? — с тревогой спросил он. — Может, обо мне что-нибудь?

Айпина ничего не ответила, махнула рукой и побежала в радиорубку.

Настроение Сашки моментально испортилось. «Это, наверно, обо мне радиограмма. Из интерната. Чтобы меня передали на другое судно и отвезли домой... Не случайно же капитан сказал, что будем менять курс...»

ЗАКОН ОХОТНИКОВ

ЗА брезентовой стенкой палатки бушует ветер. Время от времени раздаётся оглушительный грохот, будто рядом стреляют из тяжёлых пушек. Это под натиском ветра и волн ломается лёд. Большущий торос, под защитой которого стоит палатка, дрожит, словно в лихорадке.

Охотники лежат на шкурах, разостланных вокруг примуса. Снежная пыль проникает сквозь незаметные дырочки, оседает на одежду и лица. Так проходит день, второй, третий.

Охотники по очереди выходят из палатки и смотрят, не изменился ли ветер.

Небо над морем по-весеннему чистое, голубое, без единого облачка. Днём и ночью ясно светит солнце. Только низко над ледяным полем разгулялся ветер. Он озверело завывает в торосах, срывает со льда старый давно спрессовавшийся снег и гонит его надо льдом, расстилает мутно-жёлтой пеленой. Из этой пелены, будто из глубины штормового моря, выглядывают небольшие островки — островские шапки торосов.

Чаще, чем другие, из палатки выходит Умка. Когда он возвращается, все охотники смотрят на него с надеждой: что скажет старый, опытный охотник? Но Умка молчит, и тревога закрадывается в сердце Тнарата. Разве мало в каждом стойбище людей, у которых отцы или братья вышли в море на охоту и не возвратились?

— Какая погода, Умка? — спрашивает, на-

нец, Тнарат, чтобы нарушить невыносимое молчание.

Умка удивлённо взглянул на мальчика: для чего задавать такие вопросы? Каждый, кто имеет уши, слышит, что ветер сегодня дует так же, как и вчера и позавчера...

— Плохо, — отвечает Умка. — Ветер не утихает. Далеко занесёт нас.

— А что же нам делать?

— Будем ожидать, пока ветер изменится или совсем утихнет.

— И долго ожидать?

— Кто знает, может, и недолго. Летом ветры часто меняют свои направления.

Кавауге тоже заинтересовался разговором. Он пододвинулся ближе и спросил:

— Скажи, Умка, успели бы мы добраться до берега, если бы не ждали Тнарата?

Умка оставил примус, с которым возился, и долго с удивлением смотрел на Кавауге. Его узенькие, окружённые глубокими морщинами, глаза стали ещё уже.

— Однако странные слова я слышу от тебя, Кавауге. Говоришь, могли бы мы пойти сами? А разве ты не знаешь закона охотников, закона дружбы? Разве ты не знаешь, что тот, кто бросает товарища в беде, сам будет оставлен людьми?

— А почему же Тнарат ушёл искать моржей, не предупредив нас? Мы могли выехать раньше и до шторма были бы на берегу.

Тнарат лежал на шкуре, положив голову на руки, и молчал. Что он мог ответить Кавауге?

Умка внёс несколько кусков голубого льда и начал колоть их ножом. Это был «петигель» — старый лёд, растаяв, он даёт пресную воду.

Примус разгорелся, и в палатке стало теплее. Умка отвязал от пояса небольшой мешочек из шкуры нерпы, вытащил оттуда трубку и кисет с табаком. Лицо его было задумчиво, а движения медленные, даже торжественные.

— Чем больше лет проживёт человек, тем больше дорог он пройдёт...

Тнарат прислушивался к словам старого охотника. Почему это Умка заговорил о дорогах? Кажется, настроение у охотников сейчас не такое, чтобы слушать какие-то сказочки. Разве тут до сказок, когда не знаешь, что с тобою через день-второй будет?..

— Услышал я твои слова, Кавауге, — продолжает Умка свой рассказ, — и припомнил, какой случай произошёл со мной в молодости. Кто знает, сколько лет прошло с тех пор. Помню, однако, что ваших отцов тогда ещё не было на свете. В то время жили мы плохо, бедно, голодали часто. Нерп и моржей в море было немало, но каких забьёшь, если на всё стойбище всего лишь три байдары да пять винчестеров.¹ Но и те богачам принадлежали. Молодые охотники охотились на тех байдарках, а мясо забирал себе хозяин байдар. Вот и ждёшь, когда он тебе, словно собаке, кусок мяса кинет... Даже сейчас вспомнить тяжело, как плохо нам тогда жилось.

Как-то летом подошла к нашему стойбищу американская шхуна. Хозяин её, мистер Гарри, собрал всех людей стойбища и предложил им послать молодых охотников на шхуну. «Кто поплавает на моей шхуне до осени, — сказал он, — тот получит винчестер, много патронов, чай и табак». Знал Гарри, что в нашем стойбище живут лучшие охотники побережья. А кто из охотников не мечтал о собственном винчестере?! У кого он есть,

¹ Винчестер — охотничье пулевое ружьё.

у того есть и мясо, и шкуры, и жир. Вместе с другими охотниками и я пошёл на шхуну к Гарри.

Шхуна была очень старая. Мы больше воду из неё выливали, чем зверя били. А хозяин наш, Гарри, только кулаками разговаривал. Кулаки у него были огромные, как голова нерпы. Один раз ударит, три дня лежать будешь.

Жадным был Гарри. Увидит лежбище, всех моржей прикажет перебить, а на шхуну много не возьмёшь. Вот и приходилось их в море выкидывать, чтобы другим не досталось. А на побережье в то время люди голодали.:

Как-то подошли мы к большому моржовому лежбищу, начали бить зверя. Гарри стоит на палубе, наблюдает. А сам пьяный, едва на ногах держится. Слышу, Гарри кричит мне: «Умка, Умка! За торосами медведь! Беги за ним! Убей его!» Пошёл я медведя искать. Долго ходил среди торосов, но даже следов его не видел. А возвратиться на шхуну боялся: знал, что Гарри до смерти изобьёт. Не раз наши охотники собирались отомстить ему за побои и издевательства, но всегда нас удерживала одна мысль: надо потерпеть, надо заработать на винчестеры. Ведь без винчестеров охотникам жизни нет..

Когда всё же я возвратился к месту, где мы били зверя, шхуны уже не было. Тогда только я понял, для чего это Гарри посылал меня в торосы. Он хотел оставить меня на льдине, чтобы не расплачиваться со мной.

Молод я тогда был, очень

умирать мне не хотелось. Долго меня носило на льдине по морю. Исхудал от голода, думал, погибну. Остался у меня старый винчестер и два патрона. Одним я нерпу убил, а второй для Гарри оставил, чтобы расквитаться. А когда льдину к берегу приблизило, отправился я шхуну разыскивать. Всё побережье обошёл, вместе с эскимосами на американский берег на байдаре ходил, но Гарри так и не встретил. Рассказывали люди, что потопил Гарри свою шхуну и людей всех потопил. А за шхуну большие деньги получил. У него шхуна была застрахована.

Возвратился я в стойбище, а там меня новое несчастье ждало. Шаман Чаре, тот богач, что собственные байдары имел, увидел меня и начал кричать на всё стойбище: «Люди! Люди! Умка живым возвратился с моря! Духи моря хотели забрать его к себе, а он не послушал их! Горе будет нам и нашим ярангам! Горе будет всем охотникам, которые выйдут на охоту. Келе¹ и их, и их детей заберут к себе! Иди прочь из нашего стойбища, возвращайся снова в море!» Тогда такой закон был — кто потерпел несчастье в море, не мог возвращаться в своё стойбище, чтобы не прогневить келе — могучих злых духов моря...

Так раньше бывало, а теперь всё по-иному. Теперь нет такого закона, чтобы людей в несчастье и беде оставлять. Помнишь, Кавауге, как мы твоего отца разыскивали? Бригадир Агранат ут погиб, спасая охотников. Раз-

¹ Келе — по старинному поверью чукчей — злые духи.

ве мы могли Тнарата оставить? И нас будут разыскивать. Вот чуть ветер утихнет, и все охотники выйдут на вельботах в море. Шхуну вызовут, самолёты прилетят. И найдут они нас. Обязательно найдут!..

— Я знаю, что нас будут разыскивать, — тихо промолвил Тнарат. — Только ветер почему-то долго не утихает? Будет носить нас по морю, волны льдину поломают...

— Не беспокойся, мальчик, — Умка ласково взглянул на Тнарата. Поверь старому охотнику — всё будет хорошо!

В эту ночь Тнарат спал спокойно, и ему приснился удивительный сон.

...Высоко-высоко в небе летит большая серебристая птица. Яр-ко поблёскивают на солнце её могучие крылья. Она летит над сопками, над тундрой, над морем. Но вот командир воздушного корабля говорит своим людям: «Слушайте, друзья! Радио принесло нам сообщение о том, что в бурном море бедствуют отважные охотники. Они могут погибнуть, если мы не разыщем их. Так я говорю, друзья?»

«Мы спасём их», — отвечают лётчики.

Самолёт проносится низко над морем. Пристально взгляды-

ваются лётчики в каждую льдину: быть может, где-то там лежат обессиленные люди? Но вот штурман докладывает командиру: «Товарищ командир, я вижу палатку, там, вероятно, охотники».

Самолёт снижается, делает круг над льдиной...

От бешеных порывов ветра трещит и ломается льдина. Палатка вздрагивает, кажется, вот-вот ветер сорвёт её.

«Надо закрепить палатку, — решает Тнарат. — Надо положить на края брезента несколько льдин».

Осторожно, чтобы не разбудить товарищей, мальчик вылезает из палатки...

Тнарат прикрывает лицо рукавом камлейки. Переждав порыв ветра, он оглядывается. В нескольких шагах от палатки он вдруг увидел широкую трещину. Вода в ней была тёмная, покрытая волнами.

С каждой минутой трещина увеличивалась. Вельбот оказался на той стороне разводья. Его относит всё дальше и дальше.

«Без вельбота мы погибнем... Что делать? Что делать?..» Тнарат в отчаянии застыл на месте.

(Окончание следует)

Слава и Витя

ПОРФИРИЯ Васильевича Перевалова вызвали к телефону.

— Поздравляем вас, — послышалось в трубке, — ваш сын Виктор утверждён на роль Славы в фильме «Балтийское небо». Вы, конечно, разрешите ему сниматься?

Порфирий Васильевич ответил, что рад известию, но решить этот вопрос сразу не может.

Вечером у Переваловых состоялся «семейный совет».

«Балтийское небо» я читала, — сказала мать Виктора. — Хорошая книга. В ней описана оборона Ленинграда, рассказано о подвигах лётчиков-балтийцев. И героя книги, Славу, помню — школьник он, сверстник нашего Вити. Вот я и думаю: справится ли наш-то... И об учёбе надо подумать.

— Да, учение — главное, о нём забывать не следует, — заметил Порфирий Васильевич.

Витю Перевалова уже не в первый раз приглашали сниматься. Началось это два года назад с картины «Тамбу-Ламбу». Потом он побывал на съёмках в Москве и Ялте, в далёком Фрунзе. Совсем недавно на экраны вышел фильм-сказка «Марья-искусница», где Витя играет большую и интересную роль Иватушки.

Пришлось ему нелегко. Днём снимался, а вечерами сидел над учебниками — нельзя же отстать от класса! И вот теперь — новая большая роль. Справится ли? Не отразятся ли съёмки на учёбе — ведь съёмка картины рассчитана почти на два года...

Посоветовались в семье, решили: раз Виктору доверяют, роли получают у него — значит, надо играть. Конечно, будет трудно. Но ведь и другому мальчику было бы нелегко. А как же дети, которые учатся музыке, участвуют в драмкружках,

занимаются в спортивных школах... Нужно получше организовать режим, не лодырничать.

Вскоре начались съёмки.

Когда Витя приходил в павильон, узнать его было нелегко. Исхудалый, пальто перевязано верёвкой, порванное, обожжённое. Вместе со взрослыми он делит трудности блокады: дежурит на крыше, бесстрашно гасит «зажигалки», неутомимо обходит квартиры в поисках детей, погибающих от голода. Не одного малыша спас Слава.

Виктору нравится роль Славы. Он уверен, что и сам был бы таким же смелым и находчивым и что все ребята, посмотрев фильм, станут брать со Славы пример. Понравилась Слава и герою фильма майору Лунину, отважному балтийскому лётчику. Встретились они случайно и вот как.

Самолёт майора Лунина возвращался с боевого задания. Неожиданно отказал мотор, майору пришлось посадить свою машину на заснеженное картофельное поле, у самой линии фронта. И тут он увидел мальчика, с большой книжной сумкой, бегущего к самолёту.

— Что ты здесь делаешь? Зачем ты здесь? — крикнул ему Лунин.

Мальчик (а им оказался Слава) объяснил лётчику, что здесь, в развороченной снарядами мёрзлой земле, он ищет картошку. В Ленинграде голод... Слава попросил Лунина забрать его с собой.

— Я самолёты люблю, — говорит он Лунину. — Я хочу летать, нет, вы не смейтесь... Не сразу, конечно... Выучусь, а пока всё буду делать...

Лунин отдал мальчику весь свой неприкосновенный продовольственный пакет. Так началась их дружба...

Съёмки этого эпизода проходили в сложных условиях. Мощные

ветродуи, специальные установки для создания ветра и метели, гнали на артистов струи ледяного воздуха. Снег, яркий свет прожекторов слепил глаза. Не должно быть ни одного лишнего шага, ни одного непродуманного движения. Режиссёр фильма Владимир Яковлевич Венгеров настойчиво добивался точного и выразительного решения эпизода. Ещё одна репетиция. Съёмка. Снова репетиция. Снова съёмка. И из многих снимков потом будет отобран один, самый удачный, самый лучший.

В жизни получилось так же, как и в книге. Витя подружился с артистом, играющим майора Лунина. Вы бы его сразу узнали — это Пётр Петрович Глебов, тот самый, кто сыграл Григория Мелехова в «Тихом Доне».

В перерывах между съёмками Пётр Петрович рассказывает Вите, как он учился ездить на лошади, стрелять на ходу.

— А в этой картине научитесь водить самолёт? — спрашивает Витя.

— Постараюсь, — улыбается Пётр Петрович.

Работа над первой серией фильма подходит к концу. Теперь Витю вызывают уже не для съёмок, а для озвучивания. Нужно внимательно следить за экраном, и в тот момент, когда Слава произносит фразу, сказать её так, чтобы она прозвучала естественно и отчётливо.

Скоро первая серия фильма «Балтийское небо» выйдет на экраны.

Фотоснимки к очерку см. на 3-й странице обложки.

Ванька-встанька

Слова С. Маршак

Музыка Л. Вишкарёва

Уснули телята, уснули цыплята,
Не слышно весёлых скворчат из гнезда.
Один только мальчик — по имени Ванька,
По прозвищу Встанька — не спит никогда.

У Ваньки, у Встаньки — несчастные няньки:
Начнут они Ваньку укладывать спать,
А Ванька не хочет — приляжет и вскочит,
Уляжется снова и встанет опять.

Укроют его одеялом на вате —
Во сне одеяло отбросит он прочь,
И снова, как прежде, стоит на кровати,
Стоит на кровати ребёнок всю ночь.

Лечил его доктор из детской больницы.
Больному сказал он такие слова:
— Тебе, дорогой, потому не ложится,
Что слишком легка у тебя голова!

(Ноты см. на 50-й странице)

Ванька-встанька

Слова С. Маршак

Музыка Л. Вишкарёва

Спокойно

1. Ус . ну . ли те . ля . та , ус . ну . ли цып . ля . та , не
слыш . но ве . сё . лых скворчат из гнезда . О . дин только
мальчик - по и . ме ни Ванька , по прёз ви шу Встанька - не
спит ни ког . да . 2 У . пя . ть . 3 ва !

The musical score is written in G major and 2/4 time. It features a piano introduction marked 'Спокойно' (Calmly) with a piano (p) dynamic. The vocal line is accompanied by a piano accompaniment. The lyrics are in Russian and describe a boy named Vanya who is afraid of mice. The score includes a first ending with three variations (1, 2, 3) leading to a double bar line.

(Текст песни см. на 49-й странице).

В О Д А

Во вторник исчез из дому Тимка.

Мать разыскала его на стане у комбайнеров. Усевшись возле вагончика, Тимка под присмотром Матвея самозабвенно скрёб какую-то ржавую шутовину. Завидев на меже мать, он проворно юркнул в сухой, заросший лопухами арык.

— Сказали, мой идол к вам убёг, — Тимкина мать оглянулась по сторонам. — Вроде, он с тобой сидел, Матвей.

Тракторист покосился в ту сторону, где из пыльных лопухов выглядывала голова «идола», и промолчал.

— Наказанье с парнем... — Совсем от хозяйства отбивается. Сегодня гусей насилу собрала... Ястреб цыплёнка утащил, — жаловалась Тимкина мать. — Некому за домом присмотреть... Одна ведь я, хоть разрывайся. Как отец помер, так с парнем никакого сладу нет.

Матвей закатал рукава матросской тельняшки, достал из кармана мятую пачку «Прибоя» и, сунув в зубы папиросу, коротко сказал:

— А ну, вылазь!

В арыке зашелестели лопухи, затем из них появилась длиннорукая, костлявая фигура Тимки. Понурился, он медленно пошёл к матери.

— Вот ты где, пропащая душа!.. Всю округу из-за тебя избегала.

Матвей сказал: — Домой пойдёшь с матерью. За хозяйством присмотреть некому.

Тимка вскинул на тракториста тоскующие глаза и заморгал серыми от пыли ресницами:

— А потом мне можно будет сюда прийти, дядя Матвей?

— У матери спросишь... Удерёшь без спросу, схлопочешь и от меня, — сурово отрезал Матвей и пошёл к трактору неторопливой походкой мастерового человека.

Видно, какая-то неведомая сила тянула длиннорукого Тимку к полевому стану, к стрекотанью комбайнов, стригущих тяжёлую пшеницу, к роготку гусеничных тракторов, к пустым железным бочкам, бьющим в нос острым запахом бензина и автола. Тянуло к приволью, к бескрайним полям, где шальный ветер косматил густые хлеба.

Когда Тимка четвёртый раз убежал на полевой стан, матери уже не удалось вернуть его домой.

— Полундра, мамаша, — неожиданно заступился за него тракторист Матвей, положив тяжёлую ладонь на худенькое Тимкино плечо, — у нас Тимка останется... Если он, воробей его расклюй, такой упорный оказался, значит, так его душа требует.

— Хозяйство же без присмотра, — начала Тимкина мать, но Матвей перебил её.

которого прошлый год напечатали в газете, позвал Тимку к ужину и дал ему деревянную ложку.

Спать Тимка улёгся на меже, заросшей пахучим разнотравьем. На небе пе-

— Катюшку в детский сад отдай, а цыплята пусть сами от ястреба спасаются... На то он и ястреб, чтобы твои цыплята глазами зря не хлопали... Точка!

— Избалуется он у вас.

— Что ты, мамка, я ведь с дядей Матвеем на тракторе буду ездить. — Тимка вдруг улыбнулся такой открытой и доверчивой улыбкой, что даже матери стало ясно: он должен остаться на стане комбайнеров.

— Ты только в баню его по субботам приводи, Матвей, — напоследок наказала мать, и прижав к плоской груди Тимкину голову, неожиданно всхлинула. — Трудодни ведь теперь будет зарабатывать.

Вечером сам старший комбайнер Илья Миронович, портрет

ремигивались друг с другом зелёные звёзды, с озера тянуло свежим ветром, шелестели репейники, где-то кричала ночная птица.

Протянув руку, Тимка нащупал литые плечи своего друга — тракториста Матвея Карнаухова, приткнулся к ним головой и заснул.

ЧЕРЕЗ неделю Тимка уже чувствовал себя на стане, как дома. Дел у него нашлось много. Он бегал за гаечными ключами, дёргал верёвку соломокопнителя, показывал дорогу шофёрам, приезжающим за зерном, собирал поварихе сухой бурьян для костра и, замирая от восторга, влезал на трактор к дяде Матвею. Тракторист ловко ору-

давал рычагами, разворачивая сцеп комбайнов, как детскую коляску, легко и бережно. Матвей давал Тимке подержаться за рукояти управления и, перекрывая шум мотора, рассказывал, как надо поворачивать трактор и переключать скорости.

Тимка помогал учётчику замерять двуногой рейкой скошенные участки, носить к тракторам автол в маленьком ведре и спорил с дедом Грицаем.

Главным занятием деда Грицай была водовозная служба. Под его началом находился престарелый смирный конёк по кличке Мотылёк и водовозная бочка.

Нельзя сказать, чтоб дед Грицай работал спустя рукава.

Воду на стан он доставлял исправно. Её хватало и для моторов и для кулеша. После работы каждый комбайнер и тракторист мог смыть с себя едкую пыль, и повариха три раза в день кипятила ведёрный чайник.

Однако без надобности дед Грицай себя не утруждал. Воду он рассчитывал со скрупулёзной точностью и попусту не тревожил флегматичного Мотылька. Старший комбайнер не раз досадно кричал, наблюдая с мостика, как дед Грицай лениво тащится к стану на своём Мотыльке, в то время как в радиаторе уже закипает вода.

— Я же наказывал тебе, что надо всегда иметь воду в запасе, — выговаривал он Грицаю.

— Слухаю, — спокойно отвечал тот и, закурив очередную козью ножку, пускался в рассуждения о неразумном харак-

тере людей, которые всё хотят иметь про запас.

— И куда столько воды люди переводят, — не обращая внимания на то, что его никто не слушает, рассуждал дед Грицай. — Хучь водопровод им протягивай.

СТОЛКНОВЕНИЕ с Грицаем произошло у Тимки в первый же день пребывания на стане. Довольный тем, что его оставили у комбайнов, Тимка так старательно выполнял поручения, что лицо его к вечеру стало серым от пыли. Перед ужином он решил умыться.

Подбежав к водовозной бочке, Тимка подставил под кран объёмистый кувшин. Вода светлой струйкой гулко брызнула о дно кувшина и стала быстро наполнять его.

Тимка уже собрался поднять кувшин, когда неожиданно костлявая рука деда Грицай легла ему на плечо.

— Зачем воду берёшь? — строго спросил дед, пожевав тонкими губами.

— Умыться хочу.

Дед Грицай захватил в пятерню Тимкину голову и оглядел её со всех сторон. То, что Тимке надо было умыться, не мог опровергнуть даже критический осмотр деда. Однако кувшин ему дед не отдал. Прищурился покрасневшие глаза, он слил в бочку добрых три четверти воды.

— Вот дивись... Так себе наливать будешь, когда тебе мыться потребно... Коли побачу, что больше налил, совсем воды не дам. Будешь тогда сам до речки бегать. — Дед сунул в руки Тим-

ки кувшин, на дне которого плескалось стакана два воды, и принялся за своё обычное ворчание, уверяя, что скоро воду на стан придётся возить не на Мотыльке, а на тракторе.

Стычки с дедом Грицаем из-за воды случались у Тимки почти каждый день.

Когда через пробку радиатора пробивалась тонкая струйка пара, Тимка хватал ведро и, царапая о жнивье босые ноги, мчался через поле к вагончику. Там его встречал дед Грицай.

Трактор с минуты на минуту мог остановиться, а дед, отобрав у Тимки ведро, начинал его допрашивать, для чего тот берёт воду.

— Радиатор же кипит...

— А с чего он кипит?.. Недавно ведро воды брали, а сразу снова прибегли. Может, в вашем радиаторе дырка есть? Пусть Матвей осмотрит... За машиной глаз нужен. Это тебе не портки, а общественный трактор. Соображать надо...

С УТРА дед Грицай ушёл в село, пообещав к ужину вернуться.

День был знойный, без ветерка, без единой тучки на бледно-голубом, линиялом от жары небе.

Над комбайном плыла серая туча пыли. Пыль поднималась из-под гусениц, взрывающих землю, вылетала из соломотряски и змеистым хвостом расстилалась по жнивью.

У Тимки, сидевшего в кабине трактора, щипало глаза, на зубах хрустел песок, и голова налилась чугунной тяжестью от

жары и бензинового перегара. Потная рубашка липла к горячему телу.

Повернув голову, тракторист увидел, что Тимка глядит остекленевшими глазами и при каждом вдохе раздвигает рот, словно рыба, выброшенная на берег.

— Беги на стан и отлежись в холодке...

Тимка слез с трактора и забился в тёмный закуток под вагончик, где повариха хранила помидоры и капуету.

Раскинув руки, Тимка, как сомлевший от жары петух, перекаладывал голову с одного места на другое, но тяжёлое оцепенение, навалившееся на мальчика, не проходило.

Тимка вздохнул и решил умыться.

Кувшин для мытья куда-то запропастился. Искать его Тимке не хотелось. Он подошёл к бочке, отвернул кран и подставил голову. Струйка воды приятно охладила затылок и шею. Тимка фыркнул от удовольствия и стал пригоршнями плескать воду на разгорячённое лицо, на уши, на всклокоченные волосы.

Оглянувшись по сторонам, Тимка быстро разделся и до отказа отвернул медный кран водозной бочки.

На беду, дед Грицай возвратился раньше обычного.

Тимку он поймал на месте преступления. Гогоча от восторга, как гусёнок, разыскавший червяка, тот прыгал голышом под краном, брызгал целыми пригоршнями воду на плечи, на живот, на загорелую шею. Увидев возле бочки лужу, в которой с

наслаждением топтались босые Тимкины ноги, дед Грицай оторопел.

Тимка опомнился лишь тогда, когда одна рука деда Грицай закрутила кран, а другая схватила его за плечо.

— Ты що, сказывся, бисова холера! — От негодования дед Грицай мотал головой и дрожал так, что тряслись полы его полушубка. Глаза деда округлились, нижняя челюсть отвисла и одинокий зуб угрожающе торчал во рту.

Тимка виновато моргал глазами, пытаясь освободиться от цепких пальцев деда Грицай.

— Я сам за водой съезжу... Жарко больно, — торопливо бормотал он в оправдание. — ...Я нечаянно... Только помыться хотел. Я сейчас Мотылька запрягу и к реке поеду.

— Я тебе запрягу Мотылька! — вконец разъярился дед Грицай, не подпускаящий никого к своему коню. — Зараз я тебя Илье Мироновичу представлю.

Он не дал Тимке надеть даже трусы и повёл его на расправу к комбайнеру.

Дед Грицай тащил Тимку по полю — голого, розового от купания, с мокрыми волосами. Тащил по колкому жнивью к комбайнам, над которыми колыхалась серая туча пыли, смешанная с бензиновым чадом.

— Рабочих людей без выды оставил, бисова холера! — ярился дед. — Может, у них сейчас кружки воды нема, чтобы напиться, а ты целую бочку на своё пузо извёл..

— Вы чего, — перекрывая шум комбайна, крикнул Илья Мироно-

вич, когда увидел деда Грицай и голого Тимку, — что случилось?

Дед Грицай выпустил Тимку и на ходу вскочил на подножку комбайна. Тимка видел, как он поднялся на мостик и стал рассказывать о случившемся, суетливо размахивая длинными рукавами полушубка.

Тимка стоял среди поля, опустив голову. Ему казалось, что на него теперь смотрят со всех сторон. Наверное, и дядя Матвей тоже выглянул из кабины трактора и насмешливо усмехается.

Когда комбайнер повернул к нему смеющееся лицо, Тимка снова нагнул голову и стремглав помчался к стану.

Забившись в густые заросли шиповника, он плакал от обиды редкими слезами и с ненавистью глядел на деда, который, ворча, запрягал Мотылька, чтобы ехать за водой.

К ужину Тимка не вылез из шиповника. Он лежал под кустом одинокий и голодный. Метрах в двадцати от него возле костра ужинали трактористы. Слышалось частое постукивание ложек об алюминиевые миски. Ароматный запах кулеша долетал до шиповника. Тимка, перекинутая судороги в отошавшем животе, торопливо глотал слюну. Но вылезти из шиповника он не мог. Лучше три дня пролежать в кустах, чем есть кулеш и слушать, как над тобой потешаются. Илья Миронович рассказал ужинавшим, как Тимка купался. Хоть в этом ничего смешного не было, а все покачивались от хохота.. Даже не вспомнили, что Тимки за ужином нет.

Когда все ушли отдыхать, дядя Матвей громко сказал:

— Тимка, вылазь... Будем подшипники подтягивать. Коренной опять разболтался.

«Не можете без меня управиться», — подумал Тимка и выбрался из шиповника.

Когда кончили возиться с подшипниками, дядя Матвей вспомнил, что у поварахи остался кулеш. И спать Тимка улёгся сытый, доверчиво прильнув к трактористу.

Но утром, увидев деда Грицаю, Тимка проворно удрал за вагончик, боясь, как бы дед не стал вспоминать вчерашнюю историю. Ничего, даром Грицаю это не пройдёт! Тимка припомнит ему свою обиду.

НА следующий день для этого представился подходящий случай. С утра сторож поехал за водой, сонно поклёвывая носом. Мотылёк хорошо

знал дорогу, и водовозная бочка вместе с задремавшим на припёке дедом Грицаем скоро оказалась на берегу реки. Деду пришлось слезать с передка, взяться за вёдра и начать наливать бочку.

Тимка лежал на косогоре, притаившись в камнях, как ящерица. Когда дед Грицай, прикрывшая осовелые глаза, проезжал мимо, он подкрался сзади к бочке. Одно движение руки, и из крана потекла вода, беззвучной струйкой растекаясь по мягкой земле.

«Доедет до стана, а бочка выльется. Снова ему к речке ехать, а я снова кран откручу... Ты ещё меня попомнишь, старая кочерга!» — подумал Тимка, провожая взглядом дремавшего на передке деда Грицаю.

Потом он сбежал с косогора, перебрался через болотистую лощинку и пошёл к стану, куда

должен был приехать дед Грицай с пустой бочкой.

Мощно рокотал мотор трактора. Блестящие гусеницы поднимали стерню. На поворотах Тимка высывался из окна кабины и смотрел, как дрожит пшеница и падает срезанная комбайном, оставляя короткую рыжеватую щетинку жнивья.

Когда из радиатора показалась струйка пара, тракторист потянул на себя рычаги и подал Тимке ведро.

Тот помчался к вагончику.

Бочки с водой возле вагончика не было.

«Ага, всыплут теперь Грицаю», — довольно подумал Тимка и повернул к комбайну.

— Нет воды, — объявил он Матвею.

— Как нет? — встревожился тракторист. — А дед где?

— И деда нет... Он как часа два назад уехал за водой, так и не возвращался.

Из-под пробки густо шёл пар. В радиаторе кипела вода.

Тракторист проехал метров сто, потом выключил мотор. Словно споткнувшись о невидимую преграду, остановился комбайновый агрегат.

— Чего стал? — перегнувшись через перила, крикнул комбайнер.

Матвей вылез из кабины и, вытирая ветошью руки, хмуро сказал:

— Радиатор кипит. Воды нет... Дед куда-то запропастился...

Тимка видел, как струйка зерна, лившаяся в приёмный бункер, становится всё тоньше и тоньше.

Комбайнеры выключили моторы.

Шум молотилок стал стихать. Машины последними усилиями выбросили в бункера по горстке зерна, рассыпавшегося вдоль горячих железных стенок.

— Что-то с дедом приключилось... Въедливый старик, а с водой ни разу не подводил, — сказал комбайнер Илья Миронович. — Думал, что к вечеру этот массив закончим, а вот сорвалось...

В поле было непривычно тихо. Пригибая стебли пшеницы, медленно оседала пыль.

— Зерно сыплется, — сказал Матвей. — Прогнать надо деда ко всем чертям. Сейчас такая пора, что за час простоя не один центнер на землю осыплется.

И, словно в подтверждение его слов, возле Тимки вздрогнуло несколько усатых колосков и что-то упало на высохшую землю.

«Зерно сыплется... Надо скорее косить», — подумал Тимка. И тут же сообразил, что нет воды. Из-за этого стали комбайны. А дед Грицай везёт на стан пустую бочку.

По спине Тимки прошёлся холодок. Покосившись на встревоженного тракториста, он отошёл в сторонку и побежал по полю. Он мчался напрямик, перепрыгивая через кучи соломы, через арыки и камни. Ветер свистел в ушах и ситцевая рубашка вздувалась пузырьком. Жнивье в кровь резало босые ноги, репейники цеплялись за штаны, а колючие ветки шиповника больно хлестали по плечам. Но Тимка не замечал ничего.

Деда Грицай он увидел на берегу реки. Скинув полушубок и смешно шаркая стоптанными сапогами, старик с ведром бежал от речки к водовозной бочке.

— Дедушка! — звонко крикнул Тимка, скатившись с косогора прямо к бочке. — Скорее давай!

— Неужто комбайны стали? — боязливо спросил его дед Грицай.

Тимка утвердительно кивнул головой и схватился за дужку ведра.

После третьего ведра он коротко сказал запыхавшемуся деду:

— Пусти... Под ногами только путаешься.

Ведро было тяжёлое. Проволочная дужка больно резала пальцы, но Тимка носил и носил ведра до тех пор, пока объёмистая дубовая бочка не наполнилась доверху.

Впервые Мотылёк получил от деда Грицай хлёсткий удар кнутом. Конь вывернул в хомуте длинную морду и недоуменно скосил на деда тёмный глаз.

— Убью, сатана дохлая! — сверкнув единственным зубом, заорал дед. — Трогай!

Мотылёк дёрнул телегу с такой силой, что дед шлёпнулся на передок.

Напрягая все силы, конь затрусил ходкой рысцей. Кованые колёса скрежетали о камни. Телегу бросало из стороны в сторону. Вода гулко плескалась в бочке, расшатывая квадратную затычку.

Привстав на колени, Тимка то и дело подгонял кнутом запыхавшегося Мотылёка, а дед Грицай перебирал трясущимися руками ременные возжи.

— Стали, значит, комбайны, — бормотал он, вскидывая на мальчика круглые с красными веками глаза, — это я, старый дурак, во всём виноват. Кран как следует не закрыл и придремал... Почти к самому стану подъехал. Тут на повороте бочку о камень кинуло, ну я и проснулся. Слухаю, а бочка пустая. Вот, бисова холера... Я как глянул назад, а на дороге тонюсенькая такая полоска. Вся вода выбежала. Тогда я назад кинулся, думал успею... Спасибо, ты, хлопчику, помог воды наносить...

Метрах в трёх от комбайна дед Грицай изо всех сил натянул вожжи и осадил разбежавшегося Мотылёка.

— Где был? — спросил деда комбайнер. — Без воды стоим.

Дед Грицай медленно стянул с головы шапку и переступил с ноги на ногу.

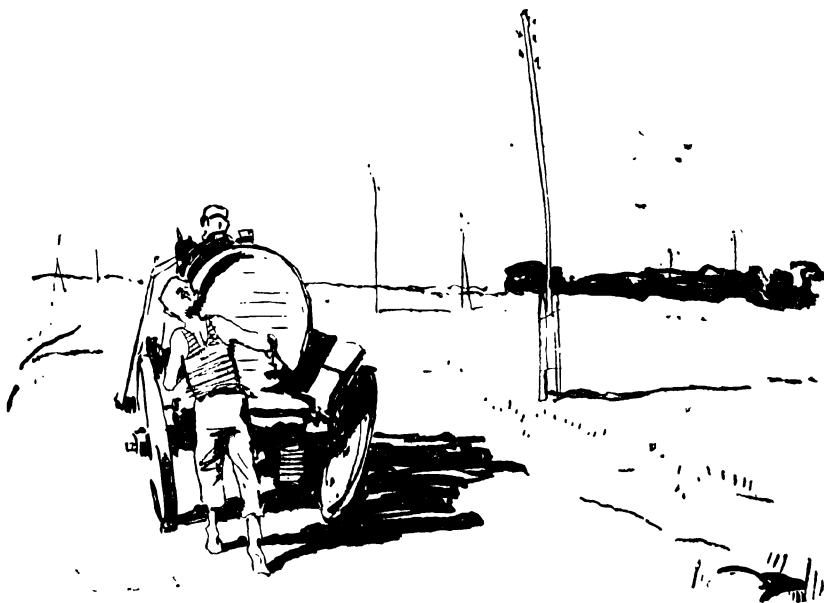
— До речки за водой ездил.

— Почему так долго? — Комбайнер с потемневшими от гнева глазами подошёл к деду Грицаю.

— Виноват, Илья Мионович, не доглядел... Кран не завернул. Пока ехал, вода вытекла... Прямо на дорогу тонюсенькой такой струйкой...

— Прогоню со стана, — коротко сказал комбайнер и полез на мостик. — Хлеб осыпается, а он задремал... Наливай живее воду, Матвей!

Дед Грицай стоял, опустив голову. Затем он посмотрел на широкую спину комбайнера, вы-

тер полой полушубка лицо и побрёл к вагончику.

Когда зарокотал мотор трактора, Тимка неожиданно взлетел на мостик комбайна.

— Дядя Илья, не гоните дедушку, — сказал он, ухватив комбайнера за рукав.

— А ты что за защитник такой нашёлся?

Тимка отвёл глаза в сторону.

— Дедушка не виноват. Кран у бочки нечаянно отвернулся. Он всегда сам отворачивается...

Взяв Тимку за подбородок, комбайнер поднял его лицо и внимательно посмотрел в глаза.

— Сдаётся мне, что это твоя работа... По глазам видать, что твоя.

Тимка молчал, опустив голову.

— Матвей! — крикнул комбайнер.

Из кабины высунулась большая голова тракториста.

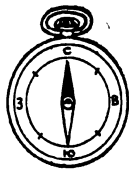
— На тебя придётся просто отнести... Не научил парня умразуму. Это он у деда Грицая кран отвернул.

Матвей поманил Тимку пальцем. Тот слез с мостика и понуро остановился возле трактора. Матвей оглядел его с ног до головы и тихо сказал:

— Доигрался... Топай теперь на стан. Вечером я с тобой сам разберусь.

Тимка облегчённо вздохнул. Он понял, что его не прогонят со стана.

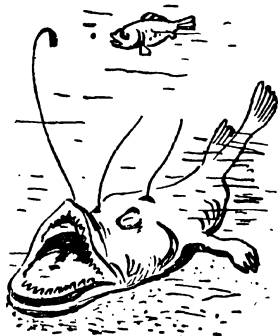
ПОСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

РЫБЫ-РЫБОЛОВЫ
НЕКОТОРЫЕ из глубоководных обитателей Тихого океана — заправские рыболовы. Одного из них за безобразный огромный рот называли «морским чёртом».

Когда морской чёрт лежит на дне, зарывшись в песок или тину, снаружи остаётся только длинный спинной червеобразный отросток. Едва какая-нибудь доверчивая рыбка клюнет на такого «червяка», как оказывается в острых зубах хищника. Сильно растягивающаяся пасть позволяет морскому чёрту заглатывать рыбу, которая не меньше его по размерам.

Другая разновидность рыб-рыболовов имеет на спине нарост, похожий на маленькую, светящуюся в темноте морских глубин, рыбку. Это приспособление также помогает глубоководному хищнику в охоте.

ОБЕД ИЗ... САРАНЧИ

НАВЕРНОЕ, мысль о съедобности насекомых пришла людям во время неурожая и голода. Потом, по достоинству оценив их вкусовые и питательные качества, некоторые народы ввели насекомых в меню.

Немногие, наверное, знают, что по калорийности термиты, например, во много раз питательнее говядины: в 100 граммах говядины содержится 130 калорий, а в таком же количестве жареных термитов — 560!

На рынках Антильских островов наряду со овощами, мясом, рыбой продаётся сушёная... саранча. Торгов-

цы Судана предлагают покупателям, как обычный товар, жареных термитов и гусениц.

В конце прошлого века англичанин Холд издал в Лондоне книгу «Почему мы не едим насекомых?..», в которой доказывал, что насекомые полезны для организма, вполне съедобны и даже вкусны.

Несколько лет спустя в одном из парижских кафе было устроено опробование пирога, начинённого личинками майского жука. Из пятисот людей, опробовавших этот пирог, большинство попросило по второму куску. Как видно, пришлось по вкусу!

Знаешь ли ты?

...что на долю Антарктиды приходится до 90 процентов всех ледовых запасов нашей планеты? Средняя толщина ледников составляет там 2200—2400 метров!

★
...что бактерии — самые выносливые из живых существ на Земле? Оказывается, некоторые виды их не погибают даже при сильном радиоактивном излучении. Так бактерии по-

селились в воде, которая использовалась для охлаждения ядерного реактора на американской атомной станции в Лос-Анжелесе. Завидная «плотность населения» — около миллиона на квадратный сантиметр — свидетельствует о том, что эта жизненная среда пришлась вполне по вкусу бактериям.

★
...что форель способна развивать скорость до 16 километров в час? Морские рыбы могут двигаться ещё быстрее. Когда за треской гонится хищник, она выпрыгивает из воды на высоту до 2-х метров, развивая в момент прыжка

СРАЖЕНИЕ С... ПЧЕЛАМИ

На одном из американских аэродромов произошло небывалое в военной истории сражение. Четыре дня шла ожесточённая битва с роем пчёл, захватившим вертолёт.

В первый день силами обслуживающего персонала была сделана попытка выгнать пчёл из вертолёта. Однако она закончилась постыдным бегством атакующих. На следующий день были применены все современные средства нападения, вплоть до химической атаки. Наконец пчёлы отступили. Но внутри вертолёта осталась матка пчёл, и рой вернулся.

Тогда было решено взять пчёл измором. Вертолёт накрыли брезентом, изолировав его от внешнего мира. Но увы, едва отдохнувшие насеко-

мые получили возможность вырваться наружу, они с яростью снова набросились на людей.

Только на четвёртый день лётчики догадались вызвать пчеловода. Ничего не понимающий в военной стратегии, пчеловод просто выловил матку, и через минуту рой уже был вне пределов аэродрома.

← скорость до 30 километров. С такой же скоростью может двигаться и 27-метровый голубой кит, весящий около 100 тонн. Но первенство в «рыбных гонках» остаётся за морской хищницей барранудой. Она развивает скорость до 40 с лишним километров в час.

★

...что слоны боятся ежа? Однажды в одном из зоопарков ёж случайно попал в загон к семье слонов. Слоны в страхе попятись к стенке, а слониха, поджав уши, приготовилась к защите. Однако ни один из великанов не решился тронуть «страшного

карлика». Ведь, как известно, у слонов между пальцами ниг и на хоботе очень нежная кожа, для которой острые иглы ежа представляют немалую опасность.

★

...что существует земляника-великан? Средний вес каждой ягоды достигает 70—80 граммов. Этот новый сорт земляники-гиганта вывели научные сотрудники горно-таёжной станции Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. Ягоды этой земляники имеют тёмно-бордовую окраску и очень морозостойки.

«КУРИНЫЕ УСТРИЦЫ»

На Азовском море есть коса Долгая. Она на несколько километров клином врывается в море. Подойти к берегу, даже на мелководьях судне, здесь очень трудно, так как глубина всё время меняется. Волны перемещают по дну огромные массы ракушек.

До недавнего времени они мёртвым грузом лежали в море. Теперь найдено им применение. Вы, наверное, видели, как утки и куры клюют камешки. Для птичьего организма нужна известь, которая так же необходима для скорлупы, как цемент для строительного раствора. Достаточно известить яйцо крепкое, плотное, оно дольше сохраняется, не бьётся при перевозке.

На косу Долгую приходят суда из Новороссийска, Таганрога, Жданова, Ростова. Крупный помол — для птиц, мелкий — в корма скоту.

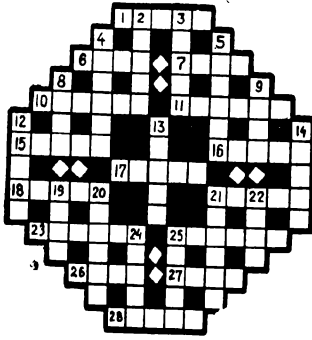
Десятки судов бороздят сейчас Азовское море, в их трюмах — «куриные устрицы».

«ЛЕКАРСТВО ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ»

Первое чаепитие состоялось в Европе в начале XVII века. Голландские купцы привезли чай в 1610 году с острова Ява. Чай называли божественной травой, а врачи советовали пить его как лекарство от всех болезней.

КРОССВОРД-АНАГРАММА

(Составила Е. Сысоева)

Анаграммы — это слова, составленные из одних и тех же букв, но иначе расположенных. Например, анаграммой слова «Корсика» будет «Искорика». Слово «Севан» имеет две анаграммы — весна, навес; то же и со словом «Оскол», у него тоже две анаграммы: сокол и колос.

Особенность этого кроссворда в том, что все его слова имеют анаграммы. Отсутствуют определения слов, а также цифры, указывающие местоположение каждого слова в кроссворде, перечислены только их анаграммы.

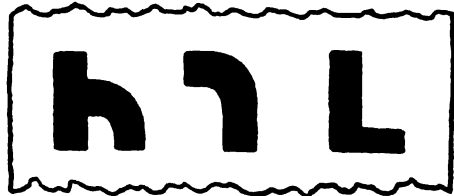
Как же решать этот кроссворд?..

ЗАДАЧА

(Составил В. Грязев)

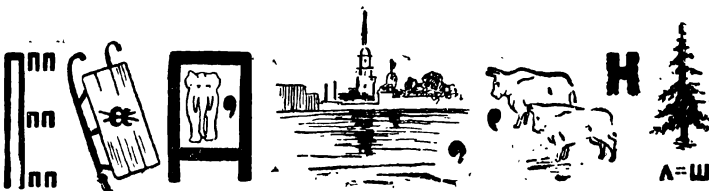
Каждому нашему читателю пришлось, конечно, решать задачи, в которых требовалось прочесть что-либо с помощью зеркала. Как правило, эти задачи нетрудны. Но попробуйте прочесть наше слово...

Это не так-то просто, не правда ли?

А между тем, задача решается с помощью зеркала.

РЕБУС

Отдел ведёт В. Акемьев

Прочитав наши слова, превратите их, переставив буквы, в новые слова, которые и впишите затем в клеточные ряды. Для каждой полученной вами анаграммы придётся, конечно, подобрать подходящее место.

В отличие от обычных кроссвордов, вы можете пользоваться в данном случае именами существительными во множественном числе, а также уменьшительными.

По вертикали. Рента, глава, лопата, колесо, шарф, маяк, масло, Севан, кроны, сорт, карета, стирка, брак, каста, кулон.

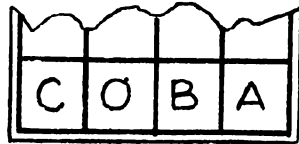
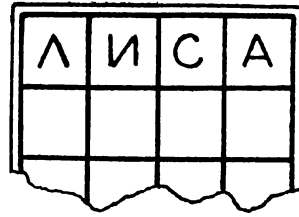
По горизонтали. Повар, овин, стаи, Атлант, пломба, камыш, рыбка, скала, трели, конус, мостик, планка, скот, воин, казна.

ПОПРОБУЙТЕ... СТАТЬ «ВОЛШЕБНИКОМ»

Если бы вам удалось, скажем, превратить лису в сову, то вы с полным правом могли бы назваться «волшебником», не правда ли? А это не так уж трудно сделать...

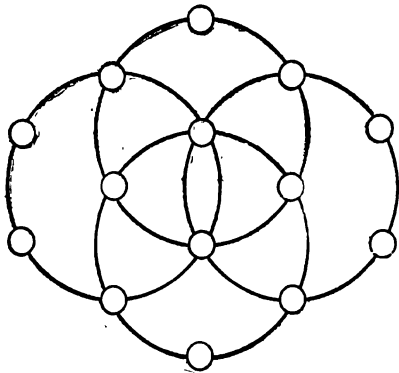
Измените в слове «лиса» какую-нибудь букву (только одну) так, чтобы получилось новое слово. Напишите его пониже — в каждой клетке по букве. Теперь подумайте, какую букву можно заменить в этом вашем слове, но опять-таки так, чтобы получилось другое слово — третье... Его напишите под вторым. Так, переходя от одного слова к другому, доберитесь до слова «сова». Неизвестно, сколько промежуточных слов придётся вам вписать, прежде чем вы достигнете цели, но не забывайте, что в любом месте вашего «столбика» соседние слова должны отличаться одно от другого только одной буквой. Все слова должны быть именами существительными в единственном числе, притом — не собственными

(из собственных имен допустимы только общеизвестные географические наименования).

КОЛЬЦА

(Составил А. А. Цветков)

Расставьте в кружках числа от одного до четырнадцати включительно таким образом, чтобы сумма семи чисел, расположенных по окружности каждого кольца и в его центре, составляла одно и то же число — пятьдесят.

Проверь себя

(Ответы к «Иснорие» № 7)

КРОССВОРД

По вертикали. 1. Комар. 3. Канат. 4. Капот. 6. Капитан. 7. «Колобок». 10. Бок. 11. Кон. 14. Капор. 15. Кубок. 18. Кокон.

По горизонтали. 2. Кол. 5. Караван. 8. Какао. 9. Колос. 12. Ботик. 13. Комод. 16. Канал. 17. Купол. 19. Косогор. 20. Бод.

ЦИКЛОМОЗАИКА

1. Скат. 2. Сито. 3. Март. 4. Паук. 5. Крит. 6. Клад. 7. Сера. 8. Гёте. 9. Рана. 10. Мрак. 11. Срок. 12. Крен. 13. Гонг.

Во внешних клетках: «Тимур и его команда».

РЕБУС-ЗАГАДКА

Под стеклом сижу, в одну сторону гляжу (компас).

ДЕВЯТЬ ЦИФР

$$- 1 + 23 + 4567 - 89 = 4500.$$

АРИФМЕТИЧЕСКИЙ РЕБУС

$$53 + 22 = 75$$

$$\begin{array}{r} + \quad + \quad + \\ 13 + 12 = 25 \end{array}$$

$$66 + 34 = 100$$

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Богатый август. Стихотворение В. Круглова.	1
«Так держать». Рассказ В. Степаненко.	2
Смелыми не рождаются! Очерк М. Бережнова.	10
Кто скорее? Стихотворение Е. Аксельрод.	13
На синем море. Стихотворения И. Велякова.	14
В пионерском лагере. Зарисовки В. Сердюкова.	16
Капроиновые сети. Рассказ Ю. Томина.	17
Тропинка. Ветерок. Бусинки-росинки. Стихотворения И. Демьянова.	30
Капитаны выходят в плавание. Продолжение повести О. Омищенко.	32
Слава и Витя. М. Шерман.	48
Ванька-встанька. Стихи С. Маршака. Музыка Л. Вишкарёва.	49
(ноты к песне на стр. 50).	
Вода. Рассказ М. Барышева.	51
Пёстрые заметки.	60
Клуб смекалистых ребят.	62

На первой странице обложки — рисунок художников М. Беломлиного и В. Гусева «Грибники».

На второй странице обложки — фотоснимки к очерку «Смелыми не рождаются!»

На третьей странице обложки — кинокадры к очерку «Слава и Витя».

На четвёртой странице обложки — «Весёлая страничка». Иллюстрации художника К. Бекташева.

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57, Тел. А 4-48-51.

Сдано в набор 15/VII. Подписано к печати 6/VIII. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 5,31.
М-32283. Заказ № 1055. Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75 000.

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград. Фонтанка, 57.

Слава и Витя

(Кинокадры к очерку на странице 48-й)

Вот он — Витя Перевалов — в роли Славы (кинофильм «Балтийское небо»).

Война. Ленинград осаждён фашистами. В пустующей квартире смелый мальчик находит одинокого ребёнка.

На втором снимке — лётчик Лунин. Пилот посадил свою машину на заснеженное картофельное поле. К самолёту подбежал Слава. Происходит встреча. Советский офицер, движимый чувством долга, отдаёт мальчугану свой неприкосновенный продовольственный пакет.

Фото Н. Янова

Цена 1 рубль

Итоги
Футбольного
года

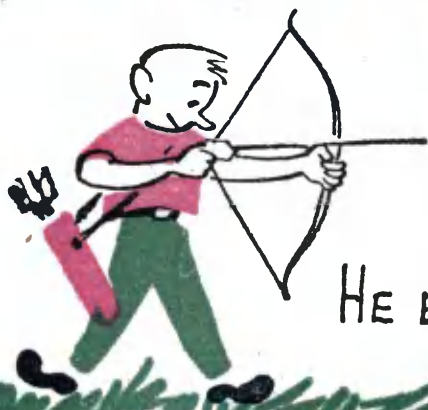
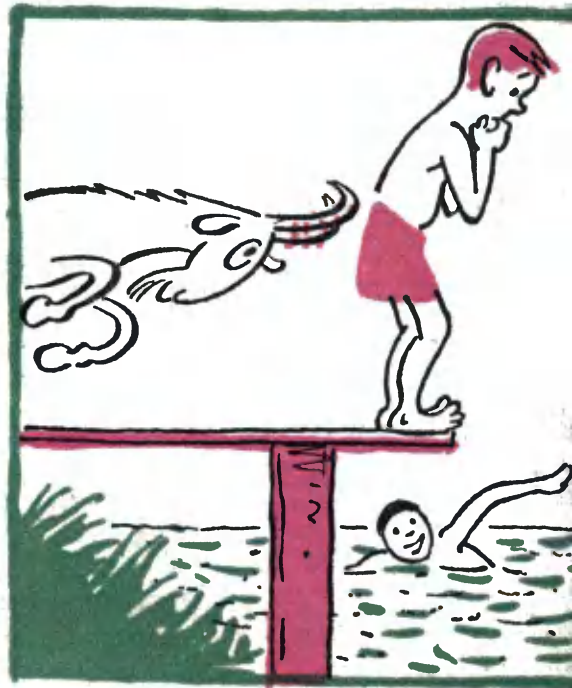

ЧУДЕСА ТАТУИРОВКИ

Воин
из племени
"БУМ-БУМ-НИ"

Ваня
из племени
"НИ-БУМ-БУМ"

НЕ ВЫДЕРЖАЛА

